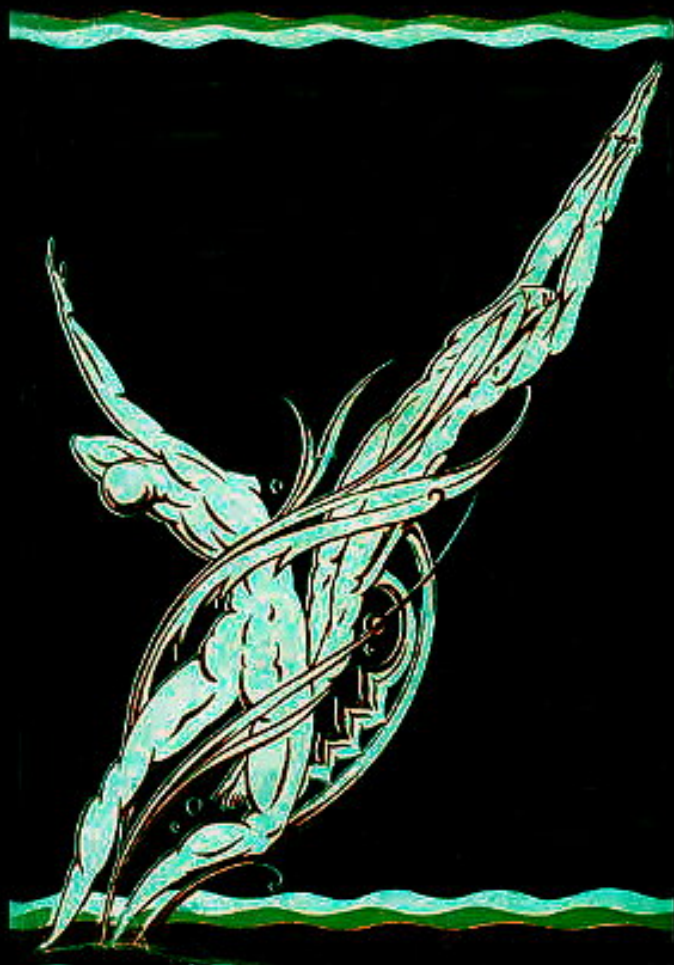

[Polaris]

ИВАН ЛУКАШ

ЗЕЛЕНЫЙ ОСТРОВ

Затерянные миры

Том XXVI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXVI

Salamandra P.V.V.

**Иван
ЛУКАШ**

ЗЕЛЕНЫЙ ОСТРОВ

Истинные приключения и страдания
русского штурмана Алексея Морозова

Затерянные миры
Том XXVI

Salamandra P.V.V.

Лукаш И. С.

Зеленый остров: Истинные приключения и страдания русского штурмана Алексея Морозова (Затерянные миры, т. XXVI). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 65 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXLVI).

Хотя видный прозаик русской эмиграции И. С. Лукаш (1892-1940) более известен как автор исторических и биографических романов и рассказов, значительное место в его творчестве занимают гротеск, мистицизм и фантастика. Научно-фантастическая повесть «Зеленый остров» (1926), навеянная гипотезами о полярной Земле Санникова — гипнотическая проза, оригинально трансформирующая классические темы жанра «затерянных миров».

ЗЕЛЕНЫЙ ОСТРОВ

Вдоль палубы ударила волна.

Хлынула по ватер-вейсам, пенясь, грохоча, сшибая брезенты и бочки. Пушечным выстрелом в грохоте бури треснула мачта.

«Святой Маврикий» пал на бок в провал волн, храпнув всем корпусом, как тяжелая лошадь.

Нырнул в мутную воду до мачт.

Я ухватил железную дверку, повис, захлебнулся.

«Святой Маврикий» вылетел из волн.

Ключья ливня, грохот, колыхание громад. Нос «Маврикия» взлетел к черному небу, палубы бегут вниз.

Горы океана слились. Миллионы белоголовых старух летят по гребням, космы расхлестаны бурей, схватились в пляшущую цепь злые духи океана, визжащие дьяволы.

Гудя поднялась над шхуной волна. — Грянула.

Точно свинцовой балкой ударило... С железным скрежежом лопнула винтовая цепь. — Пронеслась удавом, завитым в свистящие дуги.

Железная дверь отпахнулась, удар оторвал и сбросил меня вниз по трапу. Шипя, погналась волна...

Я упал в машинное отделение. Поднялся, хватаясь за горячий котел, — все бежало от рук, тряслось — стонало, — но волна догнала, сшибла. Зазвенели, лопаясь, стекла... И очнулся я от холода на угольях.

В машинной был рассеянный сероватый свет, как в ателье фотографа.

Пролом над головой похож на рваные края люка. Едва мелькнет желтая стрелка корабельного фонаря, точно буря прикрутила фитиль.

Шхуна не стонет и не дрожит.

— Мы стоим, — окликнул я, сам не зная кого. — Шторм кончился?

В машинной черная, жирная вода по колени.

Отблескивает фонарь. Сбитые поршни, еще маслянистые и блестящие, висят, как медные, мертвые пауки. Жерло топки погасло.

Мы потерпели крушение, может быть, день, может быть, неделю тому назад...

Дрожа от страха и холода, пошарил я в темноте. Пальцы наткнулись на мокрые штаны, на кожаную куртку механика.

Он сидит под фонарем. Его тяжелые, как оглобли, руки опущены вдоль тела, голова закинута.

Из пролома звучно и мерно каплет вода.

Разрушение, тишина. Смерть. Может быть, это наши души, еще полные страха и терзаний жизни, прижались друг к другу в замерзающем трюме...

На палубе я зажмурился от холодного сероватого света.

Я тащу механика под мышки.

Ноги мертвеца волочатся по шуршащему углю. В прищуренных глазах — холодная, стеклянная мгла.

Замасленная черная куртка вдавлена на груди, смята, и там куски шерсти, запеклой крови, темного мяса: механику пробило грудь поршневым стержнем.

Крутом — Ледовитый океан.

Слева от корабля бегут синие тучи. Они похожи на синие табуны лошадей, на дикую скачку. Буря ушла...

Через палубу мирно перекачивает волна.

Разрушенная и обледенелая, стала палуба свалкой железного лома, треснувших бочек, досок. Обрывки снастей треплются по ветру, как вороха чудовищных волос.

Открыта настежь доска больверта. Я скрестил мертвецу на груди руки, завязал ему лицо его же курткой из чертовой кожи и крепко прикрутил к ногам тяжелый шатун.

И когда, ногами вперед, медленно, как бы в раздумье, мертвец стал двигаться от толчка к борту с перекатной волной, я снял шапку и, утирая мокрым мехом лицо, громко прочел «Отче наш».

Голова мертвеца долго носилась по темным волнам у самого борта. Рыжеватые волосы гладко откинута водой назад. В последний раз я заметил на бледном лбу глубокие черные морщины, куда вьелся уголь...

У винтового ворота, у груди заскорузлых, скрипящих на ветру брезентов лежит Никодим.

Он без шапки, точно спит. Его светлые волосы, стриженные по-морски в кружок, вода причесала ко лбу. Рот открыт.

Я нагнулся: по краю губ течет темная кровь...

Волна мирно ходит по палубе, заливая светловолосого нашего плотника Никодима, безбородого парня. Я потянул на него брезент. Он ломится под пальцами, примерз.

А у кубрика за камбузным шкафом — насмешка бури — баки с водой даже не помяты и крышки плотно привинчены.

Когда шхуна легла из пролива Железных Ворот к Калгуеву острову, я сам привинтил крышки: бежали навстречу седые гряды, точно цепи белых солдат неслись на приступ из океана и я был уверен тогда, что нас будет трепать.

Я обошел шхуну, вернулся к брезентам.

Никодим уже не лежал там. Парня смыло волной.

Рулевой, латыш Берзинь, лоцман Иван, этот не то норвежец, не то немец Адам Дубсен и капитан-хозяин шхуны, — еще четверо должны быть на корабле.

— Гей, кто жив, выходи, гей, гей!

Только вода журчит, только шумят космы сорванных снастей. Обмерзлая шхуна молчит...

Пустыня неба, пустыня вод. Всех смыло... Гибель... Я сухо, как собака, забыл.

И от воя кто-то другой, неистовый, крепкий разогнулся во мне, — зверь сильный, живой, вопиющий, вечный зверь-человек...

— Спасите! — звал я и все мускулы судорожно сжимались, топали, бесились, выли во мне.

Я бросился вниз.

Железной лопатой зашвырял уголь в холодную топку, — голый, захлебываясь потом.

Уголь гремел.

Точно тысячи сумасшедших, голых и скользких склонялись и выпрямлялись во мне, гремя железной лопатой о чугунную заслонку. Я бросил в топку горящий фонарь — пламя вспыхнуло, лизнуло тьму... Огонь...

Запел в круглом жерле ликующим гулом огонь. Жаром опалило грудь, лицо, я ослабел.

Я упал...

Зеленый океан, зеленое небо.

Спят озябшие фиолетовые облака, красноватые по краям.

Тихо вздымаемые воды отблескивают зигзагами, двигаются ровными горами. Океан спит.

Утро...

Мокрое, стывшее солнце бродит по обрывам снастей, по гряде досок, сбитых, как на пожарище.

Из нашей черной трубы курится дым, низко стелется за шхуной над водой и от него длинная тень: я держу огонь в топке.

Машина разбита. Красные лопасти винта повисли в воздухе. Их слегка повертывает ветер. Студеные порывы — дыхание океана — гремят в ушах.

Шхуна тонет.

У меня ни страха, ни сожаления.

«Св. Маврикий» лежит на боку, но его несет по океану...

Там, — под темной водой, — ноздреватый, грязный лед, вороха морской крапивы-акалефы... Лед под «Св. Мавриkiem».

На пловучую ледяную отмель шхуна наткнулась килем и волны не разбили ее только потому, что шторм ушел...

И теперь я один плыву на громадной льдине по океану. Я понял, почему так долго ныряла за бортом рыжая голова механика: мертвец плавал на ледяной отмели...

Красноватые акалефы на темной льдине похожи на клубки ржавых мокрых змей. Я погрозил им кулаком, — побежал к капитанской каюте...

В капитанской каюте фотографический портрет нашего хозяина Петерсена висит боком на одном гвозде. Буря не разбила стекла. Сколько раз под этим портретом — тяжелые обритые губы, низкий лоб вдавлен к переносью грубой морщиной, навывкате жадные глаза — Петерсен отсчитывал нам жалованье замасленными датскими кредитками, провонявшими китовым жиром. И ругался, захлебываясь мокротой, которая всегда клокотала у него в горле...

Я ненавидел Петерсена.

Мы все ненавидели его и еще Адама Дубсена, матово-бледного, с черной эспаньолкой, больше похожего на лакея

из парижских кафе, чем на матроса. Дубсен бил нас по плечам плетью, а Петерсен, налитый кровью, отсчитывал удары, перекачивая в губах обкусанную трубку.

Да, в океане нас били. Впрочем, я сам виноват: не нанимайся на китобойные корабли, которые собирают матросов по кабакам.

Но я тогда голодал. Минуло шесть лет, как я бросил Россию.

Когда-то я был штурманом российского флота, потом летчиком, а теперь играл на окарине в копенгагенских матросских кабаках.

И, когда Адам Дубсен предложил мне работу на китолове и рейс в Ледовитый океан, конечно, я согласился.

Мы лавировали у Канинской Земли и у пролива Железных Ворот, искали китов.

Дубсен, негодяй, — бил на аврале Ивана и Никодима по лицу. А те только молча закрывали лицо, точно бородатые бабы. На шхуне все были забитыми, все боялись Петерсена.

Теперь только его портрет смотрит жадно и злобно, — как я обдираю в каюте с дивана красный плющ.

Дырявое красное полотнище, связанное узлами, волочится за мной.

На обломке фок-мачты раздулось, затрепало мое красное знамя, мой сигнал бедствия...

Ночью острый голод сжал мне желудок, стальным, утыканным иглами, кулаком.

Ночь стояла зеленоватая, прозрачная.

Иней отблескивал на палубе. Вся шхуна серебрилась от нежного снега. Мои следы печатались на тонком снегу.

У камбуза в провиантском чулане я, как крыса, протискался между досок. Там я нашел мешки с крупой, с рисом, бочки с солониной. Упав на живот, кусками ел я из бочек

скользкое, жилистое мясо, промокшее и мерзлое, — до боли в челюстях.

От жадности урчал. Все стащить к себе, — в тепло, — меха, паклю, брезент, дрова, мешки, бочки — все...

Я сновал от провиантской в машинную. Я работал бесшумно, быстро, задыхаясь. Белые половицы почернели от моей суеты.

А ночь была, как видение, — зеленоватая, странно-светлая.

Близко у борта плыли ледяные горы. Качались высокие льды, тоже прозрачные, как видения.

Брезенты я искал в другом конце корабля. Там на палубе еще лежал нетронутый снег.

И там, на снегу, я вдруг увидел след босой ступни. Я не был тут...

Призрак ходит по кораблю. Может быть, мертвецы океана встали в эту прозрачную ночь.

Блеснул вдруг багровым зиянием огонь, загремел выстрел.

Пуля провизжала, дунув горячим воздухом по волосам.

На капитанском мостике Петерсен.

Его большая, как будто прозрачная паучья голова повернута ко мне, его широкие глаза точно дышат, вздута вилка жилы на лбу, ветер шевелит жидкие волосы. Одна нога в коновом сапоге, другая босая.

Тускло светит в руке парабеллум.

Я поднял над головой руки, крикнул:

— Сдаюсь!

А Петерсен вдруг усмехнулся и подмигнул.

— Капитан, что с вами? — сказал я, вставая. — Я не бунтовщик, не призрак, не вор, — ваш плюш пошел на сигнал... Теперь нас будет двое.

— Уйди, — завыл Петерсен.

Зазиял огонь, пуля, шипя, впиалась в железную стенку...

Брызги огня, гул, шелканье пуль погнались за мной.

Капитан сбросил сапог, он бегал за мной босым... Мягкий топот зверя... Капитан сошел с ума. Все призраки океана, все видения сумасшедшие воплотил для него один я.

Безоружный, я защищался поленьями, железными болтами, бревнами.

Я раскачал с силой обломок треснувшей мачты, швырнул в туман, к рулю. Бревно с грохотом заковыляло по палубе. Грянул выстрел огнем вверх. Визг донесся снизу из океана. Петерсена сбило бревном.

Он повис на красном винте, над водой, он распластался, как черный паук.

Пусть меня судит Бог... Капитан, там внизу, на винте, повиснув над шумом вод, как будто очнулся, поднял голову, бычьачью морду в крови, и завыл:

— Штурман, — штурман.

Но волна ударила его по ногам, он оборвался...

С белого снега я поднял блестящий парабеллум. На стали мерцали зеленоватые отблески. Ночь, прозрачная, как видение, слушала мое хриплое дыхание, стук зубов...

Я лежу без движения, в трюме. Жизнь еще гнездится где-то в моем исхудавшем, коричневом, как мумия, теле...

Тьму озарило багряное сиянье. Сквозь льды пролома заструились красные копыя...

Пламя ширится, дышит.

— Пожар на корабле, — думаю я. — Я сгорю, тем лучше, я натерпелся холода и тьмы... Нет, это закат... Закат...

Солнце заходит за океан, а скоро и совсем зайдет, будет полярная ночь.

А я один буду лежать в темной яме корабля, на остывших угольях и пепле, как сморщенный, коричневый каштан.

Тоска по запоздавшей смерти заставила меня встать. Я шатался. Меня качало. Я выбрался на свет.

Все побелело: шхуна, океан, небо.

Мое красное знамя примерзло к фок-мачте и ослепло

от инея.

Синяя длинная туча косой полосой разделяет багровый солнечный диск. Это он, красный шар, зажег пожар во льдах.

Я иду по палубе. На белом снегу идут предо мной мелкие черные крестики, точно трилистники. И не сразу я понял, что это следы птицы.

Сердце ударило гулко, точно пушечный залп потряс грудь.

— Птицы.

Птицы на корабле, крестики на снегу, — птицы, — земля, — говор — птицы, — птицы...

Четкие крестики новели меня кругом корабля, к печи, где вытапливался китовый жир.

Я разгреб ногтями золу, заглянул в топку и услышал кудахтанье.

Курица, вот кого я нашел там...

Из темноты смотрел на меня оранжевый зрачок с черной точкой. — Живая корабельная курица. Мы захватили с собой целое гнездо... Одна выжила в шторме. Она сама прыгнула ко мне.

Хлопая крыльями, закружилась у моих ног кохинхинка — перья на груди точно в коричневых брызгах.

Она плясала. А след ее был там же протоптан, где и мой: от печки в провиантский чулан. Я присел на корточки и сказал:

— Пойдем ко мне, я тебя не убью, не бойся...

Кохинхинка холодным клювом уткнулась в мою ладонь. Я поднял ее, пушистую, дрожащую, и спрятал на грудь под синюю фуфайку...

В моей норе я сидел перед курицей на коленях и говорил, покуда она, постукивая клювом о железный пол, клевала крупу.

— Угля и воды нам хватит на двоих, если будем экономить... Мы будем спать в печке, в самой топке. Попробуем жить, раз мы оба живы...

В ту ночь спалось теплее и ей и мне.

Ветер, океан...

Под грудой мехов и тряпья я слышу океан. А на моем сердце бьется, как живая горячая капля, сердце хромой кохинхинки.

Гулкий трепет железа, взрывы рева, колокола, пушки, тягостная возня, шамканье беззубых старушечьих десен, рокот, смех протяжный, панихиды, неумолкаемая музыка. — Океан, океан...

По багровой полосе заката тянется редеющая синяя тень дыма из нашей трубы: мы еще топим, я и курица.

Холод стягивает лицо тонкой сталью, — мучительно-стальной маской. Но каждое утро я прорубаюсь наверх. Шхуна увеша на льдами, точно громадными сталактитами.

Мы ходим за водой. Кохинхинка забирается ко мне на живот и крупно трясется.

Вода в баках замерзла. Кусок льда на двоих — наша порция...

Кругом белые пики ледяных скал.

Шхуна лежит теперь высоко на белой вершине, а кругом белый ландшафт как будто мертвой планеты. Мы закованы льдами и на пловучей ледяной горе разрушается «Св. Маврикий».

Помню ночь, когда кто-то еще завозился у меня на груди... Мои пальцы нащупали холодный голый хвост. Крыса пришла... Мы раньше ошпаривали их кипятком... Крыса... Мы сползлись друг к другу в угасшем трюме, сбились в тесный клубок... Так замерзают люди и звери.

И, засыпая, я слышал, как все тише колотятся две живые, горячие капли на моем сердце.

И, засыпая, я слышал, как будто механик или капитан Петерсен глухо застучал в стену и просил пустить отогреться, но я уже не мог встать и открыть.

— Войди, — прошептал я, — войди сам...

И это было последнее. Это входила — смерть...

Металлический молоточек постукивает по лбу. Если я не разожму глаз, толпы белых докторов просверлят мне тонкими сверлами мозг. Мои одряблевшие мускулы затряслись, я разжал присохшие губы.

— Я жив, жив — постойте...

Нет ни белых докторов, ни операционного стола... Светлое, желтоватое солнце бродит по железным измятым стенкам трюма. Льды в проломе поголубели, тают...

Оттепель. Это вода каплями долбила мне темя.

С долгим стоном я выполз на палубу: шхуна высится, как черный катафалк.

Кругом бело и тихо сверкают ровные снега. Это неоглядимое белое плато. Только вдали, под синим небом, голубеют и сквозят аркады и галереи льдов.

К ногам упала на снег моя короткая тень. Я четко вижу очертание моей головы, волосы, отмеченные вбок, тень бороды, клокочущей по ветру...

На четвереньках, храпя, я полз по хрустящему снегу к глетчерам, чтобы только уйти от моего железного гроба, от черного разбитого катафалка «Св. Маврикия».

Льды в покато́й ряби, похожей на остывшее оперенье, сквозные ворота в синее небо.

И туда просунул я голову.

Я увидел под собой, внизу, зияющую темную пропасть.

Прости меня, Господи, за то мгновенье неверное и бесильное, но я искал смерти, забывшей меня, и оттолкнулся ото льда, вытянул в пропасть руки и...

Косое серое облако метнулось у лица... свист падения, гулкая мгла... Что-то швырнуло меня вверх, вниз, на что-то мягкое я упал.

И открыл глаза.

Я сию, прислонясь к теплой, мшистой скале.

На отлогом зеленеющей берегу, за тихой рекой, торжественно высится лес, там пылают каскады чудовищных красных лиан. А у берега, высокой стеной, стоят, как темные пики, камыши. Я сижу на пригорке, в траве. Падая, я прижал синий колокольчик, который больше моего кулака. И вижу, как выгибается теперь на ладони его серебристый стебель, точно живой.

— Так вот она, смерть.

Я улыбнулся, закрыл глаза. Это сон мой во льдах — синий колокольчик, поляна, тишина, солнце. Я умер и за что-то попал в рай... Но рай — это вечность... Неужели вечно я так и буду сидеть у нагретого камня?

Я пошевелился, — оказывается, в раю это можно.

Тогда двумя руками я переложил мою иссохшую, как у факира, ногу в рваной кожаной штанине, сполз на спине к реке, припал к воде лицом. Текла во мне холодная струя, наполняя и раздувая желудок, как гуттаперчевый мешок...

У самой воды были заросли странных плодов, мясисто-красных, в буграх, прозрачно-золотистых, точно залитых желтым вином, с тенью зерен в глубине. Может быть — плоды с древа познания добра и зла. Но все равно, я хотел есть, я рванул, сжал в руках сук, меня обрызгало теплым соком, точно кровью...

Тут шерстяная фуфайка зацепилась и с груди выпала кохинхинка.

А я забыл о ней. Она упала на бок, подогнув морщинистые лапки... Глаз затянут серой пленкой. Ветер легко дует в измятых перьях на груди. Я подхватил ее, потряс.

— Воскресни! — кричал я. — Мы в раю! Дура, воскресни!

— У-у-у, — отдавался во мшистых скалах мой крик.

Из кармана я еще вытащил поржавелый парабеллум и крысу. Брезгливо держал я ее двумя пальцами за кончик бурого хвоста.

Облезлый серый бок был противен, как шелуда у собак: не я ли сам когда-нибудь там, на грешной земле, ошпарил ее, хватив на кубрике крутым кипятком? Дохлая крыса крутилась в воздухе.

Я побежал вдоль берега, ныряя в гигантский щавель. Он был такой же, как на земле, — кисловатый на вкус, — но его чуть поблекшие листья свисали, как большие уши странных зеленых зверей.

Темные волны малины испугали меня. Ягоды были в кулак, как багровые пирамидки с выпуклыми глазками, и торчал волосок из каждого глазка. Тысячи этих глазок, блистая, смотрели на меня из тьмы шершавых листьев, и казалось, что это не ягоды, а красные рыхлые головастики на белых шейках...

Я бросился в реку, поплыл. Берег был илистый, тонкий... Глина обсохла на моем теле, как серая броня.

Под темными сводами чащи — пятна света и тени. Трясина усеяна кедровыми шишками. Тут были пихты и кедры, точно железные столбы, точно колоннада гигантского собора.

Смолистый воздух, прелость болот, — тут влажно и душно, как в оранжерее. Тяжелые корневища переплелись в узловатые мясистые связки гнутых змей, а в них качаются громадные шиповники...

Но красные лепестки больше моей головы и желтые тычинки торчат, как загнутые рычаги с золотыми набалдашниками...

Молчание, смолистое удушье, влажная сырость...

Ни одна паутина не запуталась на лице, не мелькнул мотылек, не блеснула муха на солнце. Ни щебета, ни треска валежника. — Онемелость.

И все ярче, огромнее из влажной чащи, как раздутые красные факелы, надвигались громадные шиповники. Я наступал на их опавшие лепестки, они лопались, точно куски красной коры...

Я отступил, я побежал к берегу, бросился в воду...

Скалы на моем берегу и скалы за лесом. Там нет простора. Я — в тесном ущелье.

И вот, надо мной на вершинах скал сияют белые снега.

Что бросило меня в эту зеленую немую пропасть?

Нет, я не в раю, я жив, я на страшной земле, где все молчит, где нет ни зверя, ни птицы, а только шуршат зеленые

великаны-травы.

Под щавелем, на котором развешана моя фуфайка и кожаный ремень с парабеллумом, — сел я на корточки, а тело мое тряслось от дикого страха... Где я?

Над рекой задымил туман, но скалы на том берегу, уходящие ввысь отвесные зеркала, литые из золота, — были озарены невидимым солнцем.

Ни закат, ни заря. А между тем, над головой, в узкой расщелине, я вижу темное ночное небо, — я вижу там, в морозном тумане, мерцающее созвездие — семь ярких лампад, — похожих на Большую Медведицу.

И вдруг кто-то ущипнул мне локоть. Я вскрикнул.

Курица, дура, подобралась ко мне. Она дрожит, она очнулась. Она просит пустить ее на старое место, на грудь...

Ее тоже испугала ночь. — Я спрятал ее под фуфайку...

Влажный дым окутал нас с кохинхинкой...

Потемневшие осоки стояли немые, зловещие, как черные пики...

И тогда близко сверкнули два острых изумруда.

— Зверь! — дрогнул я.

Но что-то жалобно свистнуло.

Крыса, мой трюмный товарищ, крыса поднялась на задние лапки из травы, точно усатый суслик. И крыса очнулась.

Мы снова прижались друг к другу, как в трюме.

А золотые зеркала светились, не угасая, в тумане...

— Мы пойдем туда... Я не знаю, куда... Вперед, но нам надо идти, — говорю я и свертываю в узел фуфайку, застегиваю на голом животе коричневый ремень ржавого парабеллума.

Мой голос роем эхо у скал.

Крыса и курица смотрят на меня покорно, как дети.

Качается за спиной живой мешок. Я иду по песчаным откосам.

Чаща редела, даль дымящих болотных трясин открылась предо мною.

Я поднял голову и задрожал от восхищенного ужаса...

Далеко, под созвездием, на вершине холма горело ожерелье огней.

Огни опоясали там очертания высокого темного корабля.

Светились все люки, нить огней бежала по борту, по снастям, мачтам, трубам.

Светится волшебный корабль, как будто в черную ночь идет при полных огнях, в океане...

Израненный, искушенный травами, я карабкался вверх по мхам.

Из трясин торчали огромные валуны, как серые лбы. Почва стала кремнистой.

Корабль был теперь виден весь.

Зеленые палубы и зеленые трубы казались горными террасами или колоннадами. По многоэтажному корпусу я узнал в зеленеющей громаде океанский пароход, водяной небоскреб американской стройки.

Там, высоко на холме, лежал заросший зеленью океанский пароход.

Его нос повис в тусклом воздухе, над трясинной.

На палубе дохнул на меня прохладный ветер...

Палуба, как пустая улица вымершего города.

Под шагами хрустит песок.

Я выбрался на верхнюю палубу и очутился на зеленом хлебном поле: пшеница колышется под ветром...

Я побежал по тропинке вдоль железных стен кают, заглядывая в окна, пересеченные косыми столбами солнца. Пустые анфилады зал, салонов, столовых... Все пусто, в разрушении, в хаосе... По бортам свешивались клубки трав...

Я выбежал за угол и отпрянул.

Предо мной высилась квадратная глыба льда, опутанная железными канатами. Лед таял, дымился. На половицах растекалась темная вода.

А в прозрачной, голубоватой глубине льда, пронизанной изломами солнечных лучей, был ясно виден старинный бот.

Лохмотья темных парусов повисли на мачте. Треснувшая, она белела на переломе, точно ее сломило вчера... светилась позолоченная чешуя деревянной девы, украшающей нос.

Конец мачты, толстое бревно, обитое медными обручами, охватил руками и ногами человек, приник.

Я вижу во льду его спину, суконную черную куртку с пуфами на рукавах, жесткие, черные пряди волос, рассыпанные по широкому воротнику из желтых кружев. Его жилистые ноги в чулках, на тупоносом башмаке мрачным красным огнем пылают в глубине льда медная пряжка...

Темный мертвец во льду — старинный голландский матрос.

Чье-то горячее дыхание повеяло мне в затылок...

Я оглянулся...

За мной стоял старик в стоптанных туфлях, в белом рваном халате. Его сивые волосы метало ветром. Его глаза округлились от страха и восхищения.

Старик раскинул руки и рванулся ко мне с гортанным, длинным криком:

— Человек.

Я крикнул так же длинно, гортанно. Мои поднятые руки затряслись...

В мгновение он был рядом со мной. Мы точно спаялись, мы оба упали на колени у ледяной глыбы, и так, на коленях, молча, смотрели друг на друга, точно молились, — дыша сквозь ноздри от радостного ужаса, от напора диких, благодарных слез.

Морщинистое, загорелое лицо старика, белые волосы, орлиный нос, прозрачные, пристальные глаза — все проглотил мгновенно мой взгляд.

Хлынули рыдания и все померкло.

— Человек, человек, — бормотал надо мной старик. — Я не совсем забыл человеческий язык... Я был один... Я онемел... Но нет, Боже Великий, я говорю, вот я говорю...

— Где я?.. Зеленый корабль... Ущелье... Травы... Мертвец во льду... Вы... Сон... Смерть...

Мы сидим друг перед другом на корточках, точно китайцы. Все легче я понимаю его смесь немецких, английских,

французских, шведских слов.

У него нет справа зубов и там вдавлена коричневая морщинистая щека... На высоком лбу — серый шрам. Ветер несет белым венцом волосы, как у пророка.

— Нет, не сон, не смерть... Вы на пассажирском корабле.

— А люди?

— Я один.

— Вы остались живым при кораблекрушении?

— Нет, мое крушение было раньше...

Старик встает, откинув движением головы сивые пряди с глаз. Он прихрамывает.

— Тут один я и мертвые корабли... Вы увидите тут мертвецов вашей войны, ваш грандиозный «Титаник»...

— «Титаник»... Он наткнулся на ледяную скалу в 1911 году, — я помню его крушение.

— Да, в 1911 году... До вашей войны... Но я отстал... Книги на кораблях подмочены — я высушил их... Но вот десять лет, как течение не приносит сюда ни одного нового гостя...

Вдруг в глазах старика, как отблески молнии в зеркале, пролетел ужас.

— Рвите! — крикнул он. — Рвите, вы в травах! — Скорее!

И стал сбрасывать с меня вороха курчавки.

Я был покрыт зеленым налетом противной слизи вроде той, что бывает на досках, гниющих на воде.

— Идем в каюту, вы измучены.

Он живо подхватил меня под руку, почти поволок, вдруг отпрыгнул.

— Нет, стойте... Вот уже пять дней я бьюсь над этим молодчиком, над замерзшим голландцем... Помогите мне протолкнуть его в лабораторию, — надавите плечом глыбу льда, — я пушу мотор.

Я уперся плечом в лед. Он двинулся.

Железные канаты со скрежетом впились в лед. — Качаясь, ледяная глыба с мертвецом поползла в дверь лаборатории.

— Прекрасно. Спасибо, — гортанно крикнул старик. — Теперь ступайте отдыхать... Я приду позже... Конденсатор уже в работе.

Железная дверь захлопнулась. Я остался один.

— Сон, сон, — все кричало во мне. — Вот, я отопру сейчас темную дверь в каюту странного старика и проснусь.

И будет моя грязная койка на «Святом Маврикии», дрожащие отражения солнца и воды на балках потолка...

Открытка «Казанский собор в Петербурге», приклеенная хлебным катышем к изголовью, и топот ног над головой, на палубе, и сишный крик Петерсена.

— Вот, проснусь...

И я толкнул дверь...

Это кают-салон, высокое зало, у стен блещут металлические трубы органа.

«Мне это снится, снится», — думал я, шагая между кресел с изодранным штофом.

У дубовых столов, изъеденных морской солью, где свалены книги, приборы, машины, я вижу электрические батареи, коленчатые насосы, манометры.

«Все это сон, — думаю я, — не было ни шторма, ни ледяной скалы под Маврикием, ни чудовищной зелени в ущелье...» И вот мне снится, что в фантастической каюте я ложусь на кожаную софу.

О, как хорошо вытянуть ноги... Мне снится, что я засыпаю... Но я проснусь, проснусь.

— Да проснитесь же вы, наконец, — кто-то трогает меня за плечо.

Точно издалека я слышу чей-то надтреснутый голос.

Старик стоит надо мной. Он улыбается. На его коричневой щеке от улыбки кривой звездой мигает морщина.

— Вы спите вторые сутки... Мне нужна ваша помощь.

Весело, хромая, он шагает по каюте, задевая кресла и столы.

— Дело идет.. Пар надо спустить... 39 к 47... Углерод... Проклятые конденсаторы... Я ошибся в пределах охлаждения... Переменить давление — 17 к 9...

Я приподнимаюсь на локте и со страхом смотрю на хромого старика.

Он похож на тощую птицу, на ощипанного белого орла, залетевшего в каюту.

— О чем вы? — говорю я, сбрасывая ноги с дивана.

— Анабиоз, анабиоз — вот о чем... Я разбужу замерзшего матроса... Недаром я бился пятнадцать лет над этой загадкой... Матрос проснется в моих конденсаторах.

— Не понимаю, вы кто?

— Ничего, вы поймете... За тридцать лет вы первый человек оттуда, с земли... Как вы живым попали сюда?

— Наша шхуна потерпела крушение у Канинской Земли... Я остался один, течение принесло меня со льдами...

— А, вы повторили путь Нансена к Северному полюсу...

— Вы знаете о Нансене?

— Десять лет назад сюда вынесло последний затонувший корабль. Там были газеты, журналы... Но идем, — я занят в лаборатории, а травы ползут... Я выжигаю их зарядами электричества... Из года в год, каждый час, я в беспощадной борьбе с травами... Помогите мне... Идем, помогите...

— Но кто вы, ради Бога?

— Кто я, — старик рассмеялся... — Я капитан Соломон Андрэ... Но на палубу уже взбирается по цепям полынь... Дайте хороший электрический залп, — я покажу как, — скорее...

Мигом он привел меня на палубу к прибору, похожему на радиатор, с медными рычагами и кранами.

— Поверните верхний кран — это прицел, кран рядом — заряд, залп — рычагом...

Над бортом подымались с шумом косматые темные грибы, тонкие зеленые щупальцы, изгибаясь кольцами, тянулись, как бы пробуя, куда присосаться...

— Заряд! — крикнул Андрэ.

Я быстро исполнил команду.

Розовый сноп огня вспыхнул над травами, сорвал их с борта.

По воздуху, как сцепленное перекасти-поле, пролетел обугленный клубок...

— Отлично, — вы справитесь, бейте без отдыха... Вечером вас сменит иллюминация...

Прихрамывая он заковылял от меня.

— Иллюминация Андрэ... Иллюминация... — смутно проносилось у меня в голове.

Я зорко окинул борт: не поднимаются ли снова зеленые щупальцы врага.

Мысли неслись как в лихорадке.

— Андрэ... Андрэ... спасается от трав... Андрэ... Капитан Андрэ...

Что-то волнующее и чудесное, всегда меня увлекавшее, звучало в этом имени...

И вдруг я вспомнил... Еще в штурманских классах в старых пожелтевших журналах — разглядывал я, с пристальным волнением ребенка, старые рисунки: — «Полет Андрэ на Северный полюс», «Воздухоплаватель Андрэ во льдах».

Вот его суровое черноусое лицо смотрит из корзинки аэростата, вот он выпускает голубей... Воздухоплаватель Андрэ не вернулся из воздушного путешествия. Он погиб во льдах, у Северного полюса. Но я не верил, всегда, как помню себя, я ждал его возвращения. Я думал — он жив, он в неведомых странах за полярным кругом, он вернется...

Воздухоплаватель Андрэ — погибший где-то у полюса во льдах, прекрасный герой моих юношеских мечтаний, — вот кто этот хромой, смуглый старик с белой гривой пророка, в рваном халате, в стоптанных туфлях на босу ногу...

Я скоро натер мозоли, повертывая медные рычаги.

Темные травы подымались, как шипящий прибой.

Поворот рычага — блеск длинной искры, — борта опоясывало светлой лентой огня и травы, как срезанные, отщипывались и спадали вниз, в туман болот, гигантской стеной зеленого водопада.

Я задыхался от пота, от жары: это была страшная работа...

И не слышал я, как ко мне подошел Андрэ.

Его веселое, загорелое лицо было в саже, он отгибал с жилистых рук закрученные рукава халата.

— Мы оба устали... Конечно, у меня ошибка в пределах охлаждения, но я его разбужу... Идем... Я зажег мою иллюминацию: — травы ее боятся больше всего.

По бортам горело ожерелье электричества, я видел его еще из болот.

Я иду за капитаном.

— Вы воздухоплаватель Андрэ? — говорю я.

— А, вы знаете?

— Да, вы погибли на севере, лет тридцать назад — ваш воздушный шар потерпел аварию... Я читал о вас... Вы погибли.

— Нет, я жив, — засмеялся он. — Идем завтракать.

Мы завтракали у величественного зеркального окна в кают-салоне... Я ел за четверых. Капитан рассказывал мне, как нанес чернозем на железные палубы, как на затонувших кораблях находил и провиант, и семена, и плуги, и машины, до тончайших и редких приборов, — правда, подмоченных и разъеденных морской солью...

— Но, капитан, — я смотрю на него через стол, — но все это мой сон! Вы погибли в 1890 году...

— В 1897 году, — так будет вернее. Да, в этом году я погиб для земли.

Он скрестил на груди руки. Его лицо стало суровым и прекрасным.

— Это было 29 июня 1897 года в погожий, ветреный день, когда наш шар поднялся из гавани Виго на Шпицбергене, чтобы лететь на Северный полюс... Со мной были мои от-
важные товарищи Стриндберг и Френкель.

Андрэ закрыл ладонями лицо. Он долго молчал.

— Френкель замерз первым... А Стриндберг, Стриндберг... Когда наш шар, точно издохший ихтиозавр, волочился по со-
ленным снегам и льдинам, Стриндберг запутался в веревках, Стриндберг бился обледеневшей головой о мою грудь. Я держал его... Он бредил... Он просил у меня пива... Да, он жаждал английского черного портера с пеной... На 82° 1' северной широты и 15° 5' восточной долготы я выпустил последнего почтового голубя... Наш шар потерпел аварию... Он волочился по льдам, зачерпывая воду в океане, его гнало в бурю, в туман... Там мы погибли... И очнулся я на белом плато... Я знаю, вы тоже оттуда были сброшены в зеленое ущелье.

— Я сам кинулся туда.

— А, так... Когда мы упали в ущелье, Френкель был недвижим, а Стриндберг еще стонал... Это было двадцать во-

семь лет назад... Но мои руки были свободны... Я рвал веревки, грыз зубами... Потом потерял сознание... И кто знает, сколько дней лежал я так... Я очнулся от сосущей боли у шеи... Точно длинная пиявка охватила меня. Повел головой. Слева, справа, там, где лежали товарищи, высились зеленые холмы... Заросли сочных осок... И мои руки и грудь моя тоже были опутаны зеленью... Из ладоней моих росла полынь... Я задыхался... Но у меня достало сил стать на ноги... Травы, травы.. Тут все превращается в травы... Много лет я боролся за себя, за товарищей... Их могилы здесь, на корабле...

— Жить мне помог огонь — в корзине аэростата нашлась пачка шведских спичек. Сначала я жил в этой корзине, но она расплзлась в кусты вереска... Тогда я и набрел на кладбище кораблей. Железо и сталь сопротивляются дольше всего. Я жил на вашем русском крейсере «Русалка». — Его вынес сюда океан. Я менял многие корабли. Жил на «Титанике», а теперь здесь: он выше других.. Сюда я и перенес два зеленых холма — останки моих товарищей... Еще десятки лет я буду защищаться железом и огнем от зеленой смерти... Смотрите!

Андрэ широко откинул занавес у окна:

— Вы видите там — холмы... Это корабли. Присмотритесь... Там, над трясины, грандиозное кладбище, катакомбы затонувших кораблей, они сбиты друг на друга, они стоят дыбом, они повалены, нагромождены. Зелень уже охватила, уже сплела их в горы зарослей и мхов... Вот, левее, как три низких зеленых колонны, — трубы «Титаника»... Там бриги, фрегаты, затонувшие крейсера, пассажирские пароходы, броненосцы... Они поднимаются зелеными террасами все выше и выше к Золотому Пику... Вы видите там, вдали, за холмами эту золотую скалу. Там царит холод. Там начинаются горные льды... Там я нашел замерзшего матроса. У самой вершины, в огромных прозрачных льдинах, я там видел когда-то как будто портики храмов, колоннады... Это страна зеленой смерти, — это великое кладбище океана...

— Но где мы, капитан?

— За Северным полюсом... Кругом на тысячи лье непроницаемые хребты ледяных скал, на клочке зеленой суши за Северным полюсом...

— Но почему тут тепло, зелень, свет?

— Я вам скажу. Там, где Золотой Пик, — остров кончается. Там открытый океан... Тут бывают наводнения, когда океан из-за Золотого Пика выбрасывает затонувшие корабли.. Может быть, на острове тепло от неведомого подводного течения, я не знаю... Но там, у Пика, отгадка всего. Тысячи раз я пытался подняться на Пик... Но он как отлитая, отвесная стена, как отполированное золотое зеркало... Его вершина недостижима... Мы — в зеленой тюрьме.

— И не уйти?

— Куда?

— Назад, на землю...

— Нет.

— Но корабли, электричество, машины?

— Корабли, — Андрэ усмехнулся. — Это уже зеленые руины, горы трав... Машины разъедены, трушатся... Кроме кают, где живу я, всюду плесень, сырость, тьма, медленное разрушение... И день и ночь я в беспощадном бою с зеленым нашествием, вот скоро тридцать лет...

— А сигналы?

— Моя электрическая станция выбрасывала гигантские снопы лучей. Точно северное сияние, горели, дышали в черном небе огненные буквы моего имени. Я давал искровые сигналы по радио, едва изучив его... Но я тогда не догадывался, что этот вулканический остров ниже уровня океана, что непроницаемая стена льдов окружает его на тысячи миль. Во тьме, в мертвом холоде высятся далекие ледяные стены нашей теплой, солнечной тюрьмы... И все равно, если бы даже перелетел мой сигнал — там нет человека. Там полярная пустыня, вечная ночь. Я давно сказал себе — никогда.

Судорога боли пронеслась у меня по лицу.

Андрэ посмотрел пристально и печально.

— Я давно забыл землю... — сказал он. — И, если вы сильный, если вы человек, вы тоже скоро забудете ее, не страдайте... Прошу вас... — Нам нет выхода. Поймите, этот

остров гораздо ниже уровня океана... Возможно, что зеленая земля — игра того же океанического течения или работа подводных вулканов... Вы, конечно, видели две стены скал, когда плыли на бревне по ущелью. Я думаю, что когда-то на дне океана было землетрясение и вот поднялись за Северным полюсом эти скалы — совершилось чудо... Эти отшлифованные стены, как зеркала, воспринимают северное солнце. И отражают и преломляют его так, что солнечный свет задерживается на их отшлифованной поверхности... Кругом мертвые льды и мертвая ночь, но преломление тепла и света в скалах вечно сохраняет солнечный свет и тепло для зеленого ущелья... Оттого и развились тут травы... В сущности, этот остров фантазмагория преломленного света. И тот Золотой Пик, я полагаю, — начало всей этой системы преломленных зеркал. Вам понятно...

— Да, все. И все — загадка...

Андрэ встал и молча подошел к органу.

Волнующая чистая гармония поднялась с торжественной силой. Соломон Андрэ играл фуги Баха, потом «Патетическую сонату» Бетховена... Зажав лицо, я плакал беззвучно.

Сквозь широкое окно, оранжевой паутиной, уже тянулся бледный свет Созвездия и вдруг погас. Каюта потемнела..

Чья-то тень заслонила окно, пересекла весь салон, преломилась у кресел, где сидел я.

Я встал. Белое, громадное лицо заглядывало в окно. Нос расплюснут на корабельном стекле. Не мигая, смотрят два красных круглых зрачка.

— Кто? — воскликнул я. — Кто там в окне?

Андрэ стремительно задернул штору.

— Никого.

И подошел ко мне и положил на мой горячий лоб горячую, узкую ладонь.

— Не пугайтесь... Спите... Вы узнаете все.

Он гладил мне голову. Я прижался лицом к его костлявым коленям.

И тут локтем толкнул мой сверток, синюю фуфайку, за спиной.

— Бедные товарищи, и вам та же судьба, что и мне, — прошептал я.

Глаза Андрэ горячо блеснули.

— Как, с вами люди, — где?

— Нет, не люди, а...

И я развернул на полу свою ношу.

Андрэ тихо всплеснул руками, от смеха морщинистая звезда запрыгала по его щеке. На коленях стоял он над моей кохинхинкой и крысой.

Они спали, как дети. Их свалило тяжелое путешествие... Крыса даже обняла лапкой курицу.

— Зверь, птица — наши, земные, — бормотал Андрэ; его худые, старческие плечи тряслись...

— Пух... теплое дыхание... Первые звери после тридцати лет — зверушки нашей земли... Земля, земля...

И, наклоняясь все ниже над спящими, капитан Андрэ, седой и смутный, с вибрирующими жилами на лысом лбу, — смеялся все короче, все чаще. А по морщинистым щекам бежали слезы...

Проржавелый корабль, пустыня изъеденных морской солью кают, где свисают со шпалер и люстр высохшие волокна водорослей, тьма глубоких трюмов, где мой одинокий шаг гулко звенит по железу, бледная незаходимая заря, зелень на палубах... И этот хромой старик с пристальными глазами, этот капитан Андрэ в лохмотьях халата...

Я жил, как в тягостных видениях...

Не раз я просыпался ночью от грозного пения органа. Андрэ выходил за полночь из лаборатории. У него была бессонница. Он играл Себастьяна Баха и католические хоралы.

И горела ночью зловещая иллюминация. Корабль на скале казался высокой тенью, очерченной электрическими точками. — Шипели во тьме травы, подымаясь на беспрерыв-

ный шторм, чтобы их отбросило и сожгло электричеством...

Слушая гремящие фуги Баха, — я сидел, поджав ноги, на койке, курица и крыса сидели на полу против меня. Они понимали, что я думаю о земле...

Золотой Пик, о котором говорил Андрэ, и этот загадочный путь в открытый океан, — я думал о тропе, протоптанной когда-то капитаном в зеленых, тяжелых волнах трясин, над мачтами засосанных в топь кораблей... Я думал об океане.

Капитан заперся в лаборатории. Из щели железных дверей курился пар, я слышал сипящий звук каких-то машин.

Я был один и часами оглядывал в старый капитанский бинокль туманный горизонт. Пятном красноватого золота далеко маячил таинственный Пик.

Меня влекло к нему, я искал дороги к открытому океану.

Я решил бежать с острова.

Да, я решил бежать, как вор, зашивал разлезлые мокасины капитана. Собирал в мешок сухари, точил кирку, железные крючья...

Когда я, крадучись, сходил по трапу, на борту сидел Математик, так звал я крысу, а рядом с ним, поджав ногу, стояла моя кохинхинка. Они провожали меня. Ветер вздувал курице на груди пух... Когда я найду дорогу к океану, я вернусь за ними.

Ржавеющие, заплесневелые громады кораблей, сплетенные зелеными потоками трав, пышные своды над головой... Тишина великого кладбища.

Я шел осторожно, чтобы не оступиться в трясину. Ржавый блок краснел иногда в зеленом сумраке, как необычайный жук, повисший на железной паутине. Иногда звенела под ногами стальная корабельная броня.

К вечеру тропа пошла в гору.

Стали попадаться зайнелые камни. На скатах холмов белел снег.

Незаходимый закат румяно стыл над холмистой далью.

Я стоял на высоте: камень скатился из-под ноги. Через минуту послышался глухой звук далекого падения. Я вдыхал горный воздух, в нем чудился солоноватый привкус океана.

На обрывы пришлось закидывать веревку. Хорошо, что я захватил с собою крючья.

Так я поднялся на ледяной хребет и замер...

За хребтом, в снеговой долине, высились огромные скелеты темных чудовищ, — крутые, загнутые ребра, костяки... Там были остовы замерзших кораблей, о которых говорил капитан.

Они разрушались в прозрачных льдах, точно костяки допотопных бронтозавров.

Золотой Пик близился. Он вырастал отвесной стеной над ледяными скалами.

Я шел в зеркальной галерее льдов, засматривая в их глубину.

Таинственный рассеянный свет, изломы солнечных лучей, мягкий блеск в глубинах льда.

Разметав длинные наушники меховой шапки, я отдал лицо свежим ударам ветра.

Я шел один, высоко по белым, нетронутым снегам. И пел.

Мой голос глухими перекатами отдавался в просторе ущелий. Протяжное эхо возвращало отголоски. Казалось, что поют невидимые хоры, толпы воздушных видений в туманной мгле пропастей.

Песня раскатывалась, как пушечная пальба.

Уже вечерело, снег просвечивал нежным багряным туманом, когда я переваливал ледяной хребет гробницы замерзших кораблей.

Ветер ударил сильно, я едва стоял на ногах: предо мною открылся скат к Золотому Пику, к этой подернутой инеем червонной стене.

А по скату, под моими ногами расстился город...

— Сплю, проснись! — кричал я самому себе.

Город, о котором рассказывал капитан, бледное видение в снегах, расстился предо мною.

Прекрасные гармонические колоннады, озаренные багрянцем заката, белые ступени... Я скатился туда. И всем телом ударился о лед... Долго лежал я, стиснув зубы от боли и отчаяния.

Город был рядом со мной, но меня отделяла от него прозрачная броня льда. Мои руки скользили по гладкой стене.

Я шел вдоль улиц, недостижимых, близких, мои руки скользили по прозрачной стене.

Эти развалины, руины, прорезанные зарею, красноватой завесой длинных лучей...

Одинокие колонны и обрушенные, тяжелые плиты стен.

Над ледяными скалами дышит багровый пожар, неугасимая заря... Я поднял голову, мне послышался морозный шелест...

На холме над городом, у Золотого Пика, высится чудовищное крылатое существо.

Мне показалось, что это живая скала. Но поднялись, опустились два тяжелых крыла, как гигантские плащи.

Громадный ангел синей тенью высился на пылающем закате.

Вот, чуть подпрыгнул, крыло косо и плавно заколыхалось, вот шагнул ко мне... С воплем ужаса я бросился бежать...

Четкий удар когтей о лед, шум дыхания, морозный ветер.

На палубе я упал... Я содрогался от ужаса.

Крылатое чудовище, с серым и плоским, как у гранитного негра, лицом, с глазами красными, круглыми, точно недвижные провалы, перелезало через борт. Темное крыло подогнулось, захрустело...

— Встаньте, он вас не тронет, — позвал меня голос Андрэ. — Встаньте, говорю вам...

Капитан Андрэ стоял в железных дверях лаборатории.

— Кто?.. Кто он?.. — спросил я, поднимаясь на ноги, еще дрожа.

— Безмолвный, — ответил Андрэ.

Белые ноги чудовища показались мне двумя столбами. Я едва достигал головой до его белого живота.

Его крылья походили на огромные, сероватые плавники, руки чудовища приросли к ним, и торчали из-под крыльев только концы когтистых пальцев.

Вставая, я наступил ему на крыло... Оно было мягким, как студень: моя нога увязла. Безмолвный не шевельнулся, я стал рассматривать его без страха.

Если бы не ритмическое движение мускулистого живота — если бы не дыхание — можно было подумать, что это страшное изваяние: крылатый огромный сфинкс, стоящий на задних лапах.

Но его глаза открыты: красные, с черными зрачками, рыбы глаза без ресниц — глаза немоты и безмолвия.

— Вы можете терзать его за крыло, — крикнул Андрэ. — Можете наступать на ноги, кричать — он будет недвижим.

Я не поверил.

Отбежал. И, конечно, это мальчишество, — но издали показал Безмолвному язык. Красные зрачки, не дрогнув, смотрели на меня — не на меня, разве я знаю куда...

Я крикнул ругательство, погрозил кулаком. Мускул не тронулся на плоском лице гиганта.

Злость превратила меня в раздраженную обезьяну.

Я кривлялся перед Безмолвным. Осмелев, я дернул его за крыло — оно было холодным, скользким.

Я наступал ему на ноги. Бил кулаками по твердому, как камень, животу. Я кусал его за икры, царапался. След зубов исчезал мгновенно, как на белой резине. Зубы отскакивали от эластичного тела. В бешенстве я выхватил из-за спины кирку... Размахнулся... Заточенный конец вонзился и отскочил от белого бедра.

Безмолвный не двинулся, не стронул когтистыми лапами.

Рыбы зрачки в бессмысленной немоте смотрели на меня. И тогда в отчаянии я упал.

— Так было и со мной, — услышал я голос Андрэ. — Ужас, ярость, отчаяние...

— Кто он?

— Один из тех, кто заглядывал вчера в окно каюты... Безмолвные изредка прилетают сюда... И тогда я слышу свист серых крыльев, четкие удары ногтей о палубу. Они совершенно немые. Ни звука... Я не знаю, откуда они... С Золо-

того Пика... Может быть... Там они устраивают игры. Тогда видно в бинокль кипящее сероватое облако над скалой. Но они только слетаются туда... Я думаю, что они с Созвездия, которое низко горит над островом. Может быть, это первые гости на земле. Но земля для них — зеленое ущелье и все ее обитатели — вы да я... Он вас не тронет...

— Я его убью, — со стиснутыми зубами я отстегнул ремень парабеллума.

— Оставьте, — капитан слегка хлопнул меня по руке. — Если бы даже были у нас скорострельные пушки, — вдвоем мы не справимся... Я видел, как Безмолвные, играя, перекидывают по воздуху старые корабли. Они ломают железные мачты... Да и зачем убивать?.. Не забывайте, один из них подхватил вас над пропастью и принес в зеленое ущелье...

Тут взлетела кохинхинка, забилась вокруг моей головы, взъерошенная от ужаса.

Мимо нас, мягко подскакивая, прошел Безмолвный. Крыло едва шевелилось, как серый плавник кита.

Он чуть оттолкнулся и поднялся в воздух.

Распластав громадные серые арки крыл, он медленно и тяжело полетел над зеленым кладбищем кораблей к синей дали холмов, к Золотому Пику...

— Ободритесь, — сказал капитан. — Эти немые чудовища вовсе не страшны. Только их крылья шумят... Они, как тяжелые облака, ходят вокруг нас, не касаясь... Правда, иногда их лапы задевают на полете провода электрических батарей... Крылатые не боятся трав...

Мы дошли до дверей каюты. Андрэ отпустил мою руку.

— Теперь я оставлю вас... Я могу пропустить минуту охлаждения температур... Тогда мой опыт кончится неудачей... И у нас не будет третьего человека для борьбы с зеленой смертью.

Он говорил рассеянно, его глаза блуждали, на скулах нервно двигалась смуглая кожа. Он и не заметил моих молчаний. Старик, вероятно, помешался на своих опытах...

Я подождал, пока он скроется в своей лаборатории, и перекинул ногу через борт... Меня больше не испугает Безмолвный. Я найду, найду дорогу к океану...

Созвездие стояло высоко, когда я снова добрался до ледяных развалин города...

Глыбы мраморных ступеней, разбитые статуи... Одна стояла далеко во льду. Вокруг прекрасной головы ясно горел венец из медных лучей, точно солнечный диск.

Я тихо шел вдоль прозрачной стены...

Тянулись пустыри, руины, мраморные арки, ступени лестниц, нагроможденные друг на друга, как после землетрясения.

На ступенях я увидел брошенную статую, прекрасную, мраморную богиню... Я взгляделся... И мой крик, внезапный, горячий, испугал меня — я увидал у статуи волосы, темные, каштановые волосы, раскиданные по мраморным ступеням. Солнце светилось в них бронзоватым дымом.

Я кричал... Я царапал лед, кровь бросилась из-под содранных ногтей, я бился головой, я звал, чтобы она, спящая, отвела рукой волны каштановых волос со ступеней и повернула ко мне лицо... Я сошел с ума.

И вдруг послышался надо мною холодный шорох.

На скале, уперев локти в колени, охватив цепкими лапами лицо, сидел Безмолвный, — тот, который гнался за мной. Опущенные крылья как серые, застывшие потоки спадают с плеч. Он смотрит, куда и я: на спящую во льду.

Я со стоном подполз к нему. Я умолял об одном ударе крыла, чтобы разбить этот прозрачный саркофаг.

Безмолвный не отводил глаз от белеющего тела. Я бился у его ног.

Надо мной сероватые ступни свешивались со скалы, как плоские днища двух башен.

Он смотрел на нее.

Семь оранжевых чаш Созвездия дрожали на острых льдах миллиардами огней: я бежал к кораблю в вихре холодных факелов, трепетавших вокруг меня, под ногами и надо мной...

— Девушка! Девушка! — кричал я, задыхаясь от бега. — Отворите !

Я бил ногами в дверь лаборатории. Железо выло, вздрагивало.

Дверь поддавалась внутрь. Вырывались клубы пара, как из

нагретой бани.

— Отворите!

Сжатый горячий воздух ожег лицо.

Я отступил.

Из железных дверей, пригибаясь, вышел рослый голландский матрос. Он рвал на груди черную куртку, он жмурился, захлебывался, дышал...

Его оливковое, изрытое бороздами лицо было налито темной кровью. Жесткие, черные волосы острыми концами падали на глаза.

Матрос прошел мимо, не видя меня. Я слышал свист его дыхания. Он шел, как пьяный, наискось. Стучали его красные, подбитые медными гвоздями каблуки.

Матрос упал ничком. Его плечи заколыхались...

Я вцепился в железный косяк, я крикнул в темноту, в пар лаборатории.

— Мертвый встал, мертвый!

— Не мертвый, а спящий...

Щурясь от света, Андрэ показался на пороге. Он опускал засученные рукава халата. Он был похож на хирурга после операции. Мокрые волосы космами прилипли ко лбу. Лицо было влажным, красным, и улыбалось каждой резкой морщиной.

— Опыт оправдал все. Вы видите, он проснулся...

— Анабиоз, — прошептал я, — анабиоз.

— Да, я вернул замерзшему нормальную температуру...

— Там, у Золотого Пика, во льду лежит еще замерзшая...

Девушка...

— Знаю.

— Вы должны...

— Смотрите, он приходит в себя...

Матрос сидел на коленях, раскачиваясь. Долетало его гортанное, хриплое бормотанье. Слова были смутными, тяжелыми, они напоминали старинный немецкий язык.

Мы издали наблюдали за матросом. Вот он подпрыгнул, заплясал, гортанно гикая, вот повернулся на красных каблуках, увидав нас...

И оливковое лицо заметалось от изумления и тревоги. Волосатый кулак ухватил костяную рукоять ножа, висевшего в кожаных ножнах у пояса.

Андрэ выступил вперед. Голландец, трясаясь, упал на живот, распластал руки.

Как прибитая собака, на животе, подполз он к Андрэ.

— Да благословит тебя небо, что выпустил меня из тюрьмы... Ван-Киркен не виноват... Господин, за что меня держали в тюрьме, в темноте... Ван-Киркен обмер от мороза и голода...

— Встаньте, вы ошибаетесь, — Андрэ коснулся его плеча. — Я не держал вас в тюрьме...

Голландец бросил быстрый взгляд на меня. Желтоватые белки блеснули.

Созвездие стояло высоко. Оранжевая заря потускнела. У бортов корабля, как толпы призраков, плыл туман.

Ван-Киркен сидит на корточках, покачиваясь.

Он бормочет.

Андрэ и я стоим у борта... Кохинхинка и крыса тоже выбрались слушать. Они тревожно смотрели на нового человека с оливковым узким лицом.

— Клянусь вечными муками, господин, на мне нет вины... — глухо и сипло выкрикивает оживший. — Мы вышли из Роттердама в ночь на девятое февраля, я помню — едва минул месяц со дня Крещения Господня.

— А в каком году? — тихо спросил Андрэ.

— Думаю, что год, а то два назад, — матрос сосчитал на пальцах. — В 1698 году, господин... Так будет точно.

Я быстро взглянул на Андрэ. Старик откинул сивую прядь со лба над серым шрамом и улыбнулся.

— Наш бриг взял индийские шелка, медные пушки, ядра и музыкальные часы из Женевы. Такой товар требовал молодой царь Московии Петер... Мы вышли в море к московитским портам. Говорили, что в московитских водах гипербореи крадут в бурю христианские корабли... Уносят их по ветру.

— Кто? — переспросил я.

— Гипербореи, которые живут в странах ветра и льдов...

— География семнадцатого века, — Андрэ усмехнулся.

Был смутен рассказ матроса... Цинга и буря в Белом море. Люди хотели отогреться, люди разбили капитанскую бочку с ромом... Капитан убил из пистолы рулевого Якоба Хорста — на бриге вспыхнул мятеж. Они выбросили капитана в море. Они повернули обратно. Брат Якоба — Андреас поднял на мачте черное знамя пиратов. Они пировали шесть ночей. На седьмой налетел шквал... Ван-Киркен ничего больше не помнит. Его ударило сорванным гротом...

Мы не могли объяснить Ван-Киркену, что минуло больше трехсот лет с той ночи, как его оглушило мачтой. Он слушал, а желтоватые белки его глаз недоверчиво поблескивали. Губы, под жесткими усами, кривились злобно. Иногда он хватался за костяную рукоять ножа.

— Вы нам не верите, — вскрикнул я, теряя терпение. — Так где же вы, наконец?

— Я не мертвец, гнивший триста лет... Я милостью неба живой человек... Я знаю, где я, — меня украли гипербореи... Вы гипербореи, — пробормотал Ван-Киркен, и, пригнув голову, как заяц, кинулся в пшеницу.

— Он убежал от нас, капитан.

— Он вернется. Но он никогда не поймет нас... Идем в каюты.

Трубы органа гудят. Льется металлический ливень, раздувается, гремит, рушится торжественным шествием. Никогда еще капитан Андрэ не играл так прекрасно.

Его сивые волосы откинута со лба, точно от дыхания грозы.

— Капитан, там у Золотого Пика лежит замерзшая девушка, — говорю я, кладя руку ему на плечо.

Он медленно обернулся.

— Я знаю, что там лежит девушка. Так что же?

— Вы должны разбудить ее, как разбудили матроса...

— Это потом... Мне пора к ним... Скоро товарищи будут со мною.

— Капитан, я не понимаю вас, но прошу — разбудите ее...

Худое лицо капитана светится.

— Сегодня мой праздник. Я победил. Так же, как матрос, и они скоро будут со мной.

— Капитан, разбудите девушку.

— Вы о ней.. Подождем... Другое дело ждет меня...

— Нет, я требую! Если ваши опыты, весь этот анабиоз, в котором я ничего не понимаю, дали вам способ оживлять замерзших, — вы должны, вы не смеете отказать мне... Это жестоко... Это жестоко, бесчеловечно.

— Что с вами?

Мы оба замолчали. Потом я тихо сказал:

— Умоляю вас, капитан, разбудите ее.

Морщина-звезда, веселая усмешка замигала на щеке капитана. Он живо пожал мне руку:

— Хорошо, не будем ссориться... Я попробую разбудить и ее.

Андрэ вымерил шпагатом ледяную глыбу, где лежала спящая:

— Это весит больше тонны... Попробуем... Рубите! — и размахнулся и вонзил кирку в лед.

Осколки брызнули, как голубые искры. Я ударил за ним. Зазияли трещины, лед звенел, лопался, с грохотом осыпался острыми глыбами...

Мы врубились в голубоватый коридор. Лед визжал под пилами.

И не помню, на пятый или на шестой день, на осколках льда выросла целая мастерская: мы построили походный шалаш, перенесли с корабля динамо-машину, провода, блоки...

Стальной канат задрожал, натянулся на ворота и квадратный кусок, где лежала замерзшая, стронулся с места.

И когда на блоках «Саркофаг Спящей», как мы прозвали его, двинулся по снегам, ослепительно сияя, как гигант-

ский хрусталь, — над нами зашумели крылья. Пролетал тот Безмолвный, которого я застал тогда на скале. Я назвал его Мыслителем...

Саркофаг, покачившись в воздухе на ржавых крючьях подъемного крана, плавно опустился на палубу...

Гулко стреляли, тараторили перебоями электрические моторы. На палубе стоял туман. Из железной двери лаборатории лились потоки темной воды: там оттаивал лед.

«Саркофаг Спящей» уже вторую неделю на корабле и вторую неделю Андрэ не отпирает дверей...

Он сказал, что справится один. Он просил меня найти Ван-Киркена и начать с ним жатву: желтая пшеница на палубе уже созревала. Обливаясь потом, я косил днем и ночью. Колосья с тихим, послушным шумом ложились влево от меня.

Это были те дни, когда в глазах моих, не отходя, стояло ледяное видение: спящая на мраморных ступенях...

Как часто я бросал косу и ходил слушать к железным дверям. Там я проводил и мои длинные ночи. Андрэ не покидал лаборатории.

В узкую щель, у дверей скобки, светился тусклый свет. Я смотрел часами из моей засады: трубы резервуаров, электрические лампочки, которые вращались, как багровые солнца, все смутно колебалось в щели. Туман рассекала иногда быстрая тень Андрэ.

Мое сердце стучало. В те дни я думал, что мое сердце разорвется:

— Проснись, девушка, проснись, — бормотал я.

Дверь открывалась и Андрэ в дымящем халате торопливо, всей грудью глотал воздух.

— Там жарко... Я знаю, что вы стучите, но не могу вас пустить: герметическая камера рассчитана на одного. Принесите мне воды, хлеба: я проголодался. Этот случай труднее. Она спит, может быть, тысячи лет... Ждите... Ступайте за хлебом.

Я ставил хлеб к железным дверям, принимался за косу.

И в пшенице, на палубе, наткнулся я на голландца. Он спал на войлоке, свернувшись в клубок, обросший черны-

ми волосами, оборванный...

Коса звякнула над его головой.

Голландец схватился за нож.

— Проклятый Гиперборей.

Он прыгнул мне под ноги... Что-то горячее ожгло мне плечо... Наотмашь, рукоятью револьвера, я отбил его руку.

Матрос кинулся в пшеницу. Она ложилась волнами от его бега, извивалась.

— Ван-Киркен, вернись, — позвал я, зажимая раненое плечо. Мои руки и грудь темно заблестели от крови...

Вот он несется вниз, по белым тропам, к зеленому туману пропасти.

Его потные лопатки лоснятся, жесткие волосы черными пиками хлещут по ветру.

Я прицелился. Сталь ослепила на миг.

Что мне стоит убить его? Он скользит вниз, как черная кошка, он весь на виду, в воздухе. Убить третьего из нас на Зеленом Острове... За что?.. Дикий матрос считает меня за фантастического гиперборей... Я опустил оружие. Пусть убегает. Вот он спрыгнул на холм, — маячит внизу, как черный мураш...

А на плече у меня ноет ожог раны от его старинного лезвия.

В кают-салоне, из холщовой куртки Андрэ, я нарвал зубами бинтов.

Остров Созвездия, страна сновидений, незаходимый, солнечный бред...

Горела рана моя на плече. Я туто стянул ее бинтами, мои иссохшие губы потрескались от жара и жажды: ржавый нож голландца прорезал широкий раскаленный след.

В горячей дремоте я слышал как будто зовущие голоса, торжественный вопль органа, плеск крыльев, смех, заглушенный топот ног...

Все силы напряг я и поднялся и пошел...

Корабль был окутан громадными, зыбкими облаками, он точно плыл по воздуху в беловатой мгле. Слетелись Безмолвные.

Они теснятся, они толкают друг друга, крылья подгибаются, как гибкие арки. Палуба окутана беловатым туманом, шумят, веют холодные крылья...

Я прыгаю через белые ступени, где дышат витые вздутые жилы, упираюсь ладонями в белые животы, бегу...

Мне навстречу, между рядами Безмолвных, точно по аллее белых колонн, идет Андрэ, а с ним девушка из Саркофага.

Андрэ ведет ее под руку. Андрэ несет ее. Ее глаза закрыты.

— Помогите, скорее, — зовет меня капитан. — Она проснулась, но еще без сознания...

Мы подняли ее на руки.

Некуда ступить: наши головы натываются на тяжкие колени, на каменные носы, на каменные локти Безмолвных.

Вцепив когти в колени, они пригнулись к нам. Сотни зрачков, немигающих красных фонарей, в пристальной немоте смотрят на девушку...

Мы опустили ее на палубу. Мы окружены.

Андрэ замахал руками, точно отгоняя птиц:

— Ш-ш-ш-ш-ш... Безмолвные задавят нас, как слоны... Вперед!

Хрустели коленные чашки Безмолвных, где кожа тверда, как броня черепах, надавливали на грудь.

Точно Самсоны, содрогаясь от напряжения, мы пытались раздвинуть колоннады, мы обороняли узкую площадку, где лежала девушка... Я поднялся, упал на колено. Я видел, как Андрэ с хрипом давит еще ладонями в жилистые ноги чудовища.

И тогда один из Безмолвных, я узнал его — это был тот, Мыслитель, кто смотрел на Саркофаг Спящей, — поднял над нами крыло, точно давая знак. И все Безмолвные с тяжелым грохотом устремились за ним.

Крылья скрещивались, трещали в тесноте, когти ног, отталкиваясь, скрежетали о палубу.

Безмолвные взвились. В вышине закипел туман, хаос летящих чудовищ...

Только этот чудовищный сфинкс, накрывший нас холодным крылом, остался на корабле...

В кают-салоне мы сдвинули изодранные кресла — постель для Спящей.

Андрэ и я сидим, не отводя от нее глаз.

В окно уже крались лучи Созвездия, когда ее ресницы слабо подражали в тихом усилии.

— Пульс слышен, — шепчет Андрэ, — 74... Нет, 75... 76... 80...

И дрогнули косо ресницы, приоткрыв скользящий блеск глаз. Распахнулись.

Девушка темно и дико обвела глазами зало. Быстро поднялась на локте. Медленно подняла ко мне прекрасное лицо.

— Встала, — гортанно и горячо крикнул Андрэ.

Я протянул к ней руки и вдруг хлынул в глазах горячий огонь и погас...

* * *

Андрэ в белом халате мерит комнату шагами, а в ногах у меня сидит девушка.

Ее волосы завязаны в тяжелый узел. Солнце дымит в них бронзой.

Мне смешно, что она в белой куртке капитана, которой когда-то, несомненно, владел корабельный кок.

— Вы могли бы сказать о вашей ране, — недовольно ворчит капитан, но в его глазах прыгают веселые огоньки. — Я терял надежду, я думал, что вы не очнетесь...

У девушки золотистое смуглое лицо, а брови, как полукруглые арки над строгими, дикими глазами.

— Как ваше имя? — говорю я и протягиваю руку.

Она высвобождает из халата пальчики, подает свою и молчит.

— Ее зовут, как будто, Ионгайя... По крайней мере, мне слышались такие звуки, — шепчет капитан.

— Ионгайя, Ионгайя, — говорю я, закрывая глаза.

Андрэ наклоняется ко мне:

— Она не знает ни одного из человеческих языков... Я цитировал ей Виргилия и Аристотеля... Греческий язык ей как будто что-то напомнил, но так мало, что я стал учить ее по-английски: со слуха этот легче всего... Изредка она повторяет мои слова. Не правда ли, Ионгайя, вы понимаете нас...

— Нас, — тихо повторила девушка.

— Кто вы, откуда? — говорю я...

Она молчит. Боже, она полунемая...

Ее ладони строго лежат на коленях. Она сидит у моего кресла, как белая богиня...

— Ионгайя, Ионгайя, — неужели вы не помните ничего?

— Ничего...

Ее ответ, как эхо. Эти узкие пальцы, смуглые и продолговатые к концам, точно веретенца, этот профиль, напоминающий головы Дидоны или Дианы-охотницы.

Мифы Платона, книги старинных путешественников, рассказы капитана Андрэ об океанском течении, несущем к Зеленому Острову потонувшие корабли, древний город во льду — мгновенно все пронеслось в моей голове. Точно вдохновение дунуло холодом на волосы. Я приподнялся и крикнул:

— Атлантида!

Легкие стрелы ресниц дрогнули. Девушка посмотрела на меня темно и пугливо. Андрэ поморщился.

— Вы испугали ее...

— Да, да, Атлантида... Она девушка с потонувшего таинственного острова... Там, во льду, у Золотого Пика развалины Атлантиды. Ионгайя оттуда... — Ионгайя, Ионгайя — Атлантида — разве не помнишь, не знаешь?

Ресницы раскинулись горестно, широко. Она молчит.

— Нет, тут что-то другое, — говорит сурово Андрэ. Его белые брови мигают, как клубки молний.

— Может быть, тут была когда-то Атлантида, — перебиваю я, — тысячелетия ледяного сна погасили ей память... Вспомни, Атлантида!

Девушка задрожала, сползла к коленям, охватила мои ноги и прошептала трудно и смутно:

— Атлантидас...

— Капитан, она вспомнила, — я радостно оглянулся на Андрэ.

Он стоял за мной, суровый и грозный, с нависшей на глаза сивой гривой.

— Нет, она только повторила ваши слова.

Прижимая горячее лицо к моим ладоням, что-то смутное и гармоничное бормотала Ионгайя.

Звук ее голоса замирал, подымался. Но это были тяжелые, непонятные стоны немого.

Андрэ, слушая, зажал в кулак белые ручки бороды.

— Так, так, — ворчал он.

— Вы поняли ее? — тихо спросил я, когда девушка умолкла...

— Мгновеньями — да... Нет, эта девушка не с Атлантиды... Другое, великое, непонятное свершилось в этом ущелье... Я что-то понял... Некогда на Зеленом Острове жили люди... Они бились с травами... Гибли... Она, ее отец, ее мать, они были последними. Их охватили, опутали травы... Тут была великая катастрофа. Она бежала в горы, во льды... Это мои догадки, я знал, что ущелье живое, что оно кишит людьми, превращенными в травы... Я разбужу его, я подыму всех...

Костлявые руки Андрэ забились над головой, затряслись, глаза безумно пылали:

— Все будут живы, все... Мне только найти — человеческую клетку в растении... Победа будет за мной. Победа! Победа!

Вдруг Андрэ умолк, приложив палец к губам, и страшно повел глазами:

— Но почему темно в окнах?

Он бесшумно подбежал к люку. Его губы задрожали:

— Моя иллюминация, моя электрическая сеть... Все погасло! Тьма!

И вдруг крикнул:

— Травы! — и бросился на палубу.

Я и Ионгайя поднялись. Под лепным потолком каюты билась, как лохматая громадная бабочка, кохинхинка. Кры-

са, с разбега, прыгнула ко мне на плечо...

Палуба потемнела. Над бортами подымались темные гривы трав, точно готовые обрушиться волны.

Они ползли снизу, с трясин, огромные концы змеились, курчавились... Наш корабль как будто погрузился в мутные зеленые воды...

Электрическая сеть перегорела и травы без преград шли на приступ.

Гигантские гибкие корни, ежась, ползли по бортам, по железу, качались, шипя, как связки зеленых удавов на решетках, на окнах кают.

— Бейте из батарей! — издали крикнул Андрэ. — Я осмотрую провода!

Облако разрыва, треск, струя огня, тошный дым. Это похоже на бесшумный артиллерийский бой. От огня и жара накалилось железо, белые стенки кают. В дыму я видел Ионгайю. Топором, наотмашь, она рубила зеленые канаты.

Девушка была ужасна и прекрасна...

Мы отбили первый штурм. Из дыма вынырнуло лицо Андрэ, почерневшее от копоти.

— Провода сорваны Безмолвными, они зацепили их когтями! Бейте!

Мы вдвоем припали к нашей батарее.

А на носу корабля, окутанный дымом, озаряемый пламенем, высился тот Мыслитель. Красноватые лучи его взгляда, сквозь дым, всюду следовали за девушкой...

В седых волосах Андрэ запутались зеленые стебли, он хрипло шепчет:

— Вырвали целый километр проводов... Это похоже на катастрофу, но не сдаваться! Я сменю вас...

Я сел без сил у нашей странной батарее. Ионгайя принесла воды, она мочит мне обожженный лоб, говорит что-то. В смутной, поющей гармонии ее непонятных звуков я слышу слова простые и вечные, как слова Библии или ребенка. — Вода. Огонь. Люблю... Ионгайя, полунемая девушка из льдов. Нет, я не сдамся.

Я подымаюсь, отстраняю Андрэ от рычагов.

— Пустите, я отдохнул... Вы должны исправить провода...

И вдруг крик Ионгайи заставил нас оглянуться. Она указывает пальцем на борт... Мы оба взглянули туда и отшатнулись.

Из зеленого тумана, из косматого прибоя трав, взбиралась по трапам громадная жаба.

Она ползла, волоча за собой космы водорослей. На ее мясистых горбах тускло мигают зеленые желваки.

— Жаба, — прошептал Андрэ. — Как, в ущелье есть гады?

Жаба забралась на третье колено трапа, встала на задние лапы. Чудовище выше меня. Его лапы опутаны влажными стеблями, травы тянутся за ним по ступенькам.

Я отстегнул с ремня парабеллум.

— Господи-ди-и-ин, — донесся вдруг гортанный звук.

Это был голос голландца... Мы бросили ему веревку.

Матрос тяжело перевалил через борт и грохнул на половицы зеленой и влажной грудой мхов, осоки и корней, сочащих белый сок.

Из-под его тела, из-под этой дышащей горы травы — растекалась темная болотная жижа...

— Скорее! — крикнул капитан, — я буду стрелять, а вы рвите наросты мхов с его спины, обрубите корни от рук...

Куски влажной студенистой зелени, эти бугры, приросшие к спине Ван-Киркена, присасывались к моим рукам тысячами устьиц — я отрывал их ногтями, — сбрасывал за борт...

Скоро в ржавой болотной луже лежало перед нами освобожденное тело Ван-Киркена — иссохший скелет, обтянутый коричневой кожей. На левой руке, на темной плети, бросилась мне в глаза побелевшая синяя татуировка: две пушки со скрещенными знаменами и русалка, у которой рыбий хвост раздвоен жалом.

Под впалыми веками поворачивались глазные яблоки. Матрос покосил запекшими губами и вздохнул.

Не выпуская из рук медного рычага, Андрэ позвал его.

— Ван-Киркен, куда вы бежали?

— Ван-Киркен бежал на темную реку, в ущелье, — про-

хрипел матрос, вращая темными белками. — Там корабли... Я надумал бежать из плена Гиперборейцев... Да... То был хороший корабль на трясине... Но ваши травы охватили меня... Стебли опутали ноги... Я не мог подняться... Оплели живот. Травы тянули из меня соки, пили меня. Клянусь, я рвался, корчился, но ваши травы сильнее... И тогда ваша птица — она железная, у нее два медных глаза, — упала с неба и потрясла болото. Лопнули корни на моих ногах. Я пополз к лестнице на ваш железный замок.

— Да.

— Безмолвный, — прошептал я.

— Да, железная птица. Ее принесла под серым крылом другая, у которой красные глаза... Она сбросила железную птицу вниз.

— Привидения, лихорадка, бред, — крикнул Андрэ, повертывая рычаг.

Сверкал огонь бесшумных электрических выстрелов.

Мы прижались к стенке каюты.

Пламя озарило коричневое страшное лицо Андрэ, черную голову матроса, бледное тонкое лицо Ионгайи...

«Железная птица, железная птица, странный бред». — Я посмотрел через борт.

Внизу зеленая мгла, шум трав, идущих прибоем. И там, на последней ступеньке трапа, два желтых огня.

«Вот она, птица с медными глазами... Бинокль, если бы бинокль».

— Капитан, где бинокль? — говорю я.

— Тут, на шнуре, — снимите сами...

Я повертел медную нарезку бинокля, навел стекла и, дрожа от радости, схватил Андрэ за сухую кисть.

— Что с вами?

— Вот бинокль, смотрите... Я сменю вас у рычагов.

— Куда смотреть?

— Вниз, к трапу...

— Пойдите, я там вижу два желтых огня.

— Да.

— Это — медь. На ней отблеск зари.

— Да.

— Крыло.

— Да, стальное крыло.

— Но это... Но там... Как это у вас называется. Я читал...

— Там аэроплан, капитан... Там люди, спасение!..

Над трясинной, зацепив крылом лестницу, повис летательный аппарат.

Мы втроем сбежали к нему, прорубаясь топорами в зарослях.

Обвешанные стеблями, зелеными волокнами, в кусках мокрого мха, — оборванные, тяжело дышащие, мы походили, вероятно, на леших...

Но аппарат пуст... Ни одного следа на сырой траве. Дверка кабинки открыта... Людей нет. Окно разбито.

В кабинке, на кожаном маленьком кресле, брошены пустые консервные банки, помятые бидоны с бензином, инструменты...

Обшивка потерта, но виден черный номер 2... Вторая цифра точно сцарапана.

Сброшенная машина с помятым мотором, с разбитыми стеклами, говорит о крушении, о гибели в тумане.

Безмолвные принесли в ущелье этот стальной остов так же, как неведомое подводное течение выносит сюда потонувшие корабли.

На медных частях моторов, которые лоснились маслом, я отыскал выпуклые буквы: «Роллс-Ройс».

В кабинке капитан Андрэ поднял стопку листов.

Тут же, у колес, мы рассмотрели находку. Эти тонкие листки, вероятно, были вырваны из записной книжки. Бумага просвечивала водяным знаком — лев на глобусе.

Записи карандашом, почерк торопливый, скачущий. Стерты концы строк:

«3.100 кило груза. 5 часов вечера, на борту...»

«Туман...»

«10 часов вечера. Запад».

«Половина бензина истрачена».

«Если это 88° 31' северной широты...»

«Туман...»

«Ледяные горы»...

— Люди, — исследователи, — тихо сказал я...

— Они погибли у ледяных гор, — так же тихо сказал Андрэ, — 88° 31' северной широты... Еще до полюса... Они не долетели до тех белых полей, куда течение принесло вашу шхуну... Вечная память...

Андрэ прочел краткую успокоительную молитву.

— А теперь назад, иначе травы захватят нас...

— Но, капитан, мы подыдем машину на борт, — говорю я твердо.

— Хорошо, если вы хотите.

— И мы исправим ее.

— Кажется, это нетрудно.

— Тогда мы... — я не могу говорить, судорога радости стиснула мне зубы.

Седые брови Андрэ косо взлетели:

— Тогда вы улетите.

— Да. Мы все.

Он ничего не ответил. Он быстро вбежал по лесенке в кабину, мелькнул за рулем.

Его глаза влажно и радостно засияли.

— Это лучше воздушного шара, моего дряхлого слона.. Это прекрасно.

— Пилотом будете вы, капитан.

Андрэ засмеялся:

— Посмотрим.. Но скорее за работу.

Как мы звали Ван-Киркена...

Мы придумывали сотни ласковых имен, умоляли, выкрикивали ругательства, ярые проклятия, я даже стрелял...

Но Ван-Киркен исчез.

Втроем мы втянули машину к нам на корабль.

С инструментами, клещами, отвертками, измазанный машинным маслом, я лазил по аппарату. Работа так поглотила меня, что я забыл все.

В баках был бензин — если я успею собрать машину, если я успею...

Ионгайя не отходит от меня. Она мне мешает.

— Да не мешай ты! — прикрикнул я на нее.

Девушка протянула ко мне руки, она зовет...

В ее голосе — тревога, — глаза полны слез.. Что-то недоброе.

Я выбрался из аппарата. Девушка тянет меня за рукав к лаборатории Андрэ.

Не сразу я увидел капитана. Он лежал во весь рост, лицом к полу. Сухие плечи колебало тяжелое дыхание.

Кругом разбросаны книги, разбитые микроскопы, осколки приборов, обрывки...

Я опустился на колени.

— Вам дурно... Вы больны?

— Оставьте меня.

Андрэ сел на пол, по-турецки. Его глаза горячо блистают. Седые волосы прядями падают на измученное лицо.

— Капитан, что случилось?

— Он — он... Все разбил, все растоптал... Ненависть, бешенство уничтожили работу долгих лет...

— Ван-Киркен?

— Да.. Он словно отомстил за свое пробуждение... Все потеряно... Но я найду, найду...

— Конечно, найдете, — говорю я. — И потом мы все равно...

— Полетим?

— Я исправлю машину.

Погасший старческий взгляд равнодушно скользнул по мне.

— Хорошо... полетим...

Его белая голова трясется. Я теперь вижу тысячи мелких морщин, паутина дряхлости, темными тропинками пересекают его лицо...

Я говорю ему о полете, о провианте, о маршруте. Мы вместе рассматриваем арктическую карту, которую я отыскал у него на полках.

— Подумайте, вы увидите землю... Как она изменилась за эти тридцать лет...

— Да, да, — покорно качает он седой головой.

— Голоса живых, птицы, смех, улицы, смены ночи и дня... Мы увидим рассвет, дождь промочит нас до нитки... Ваши старые, седые друзья — они еще живы — встретят вас.

— Да, да...

— Я знаю, я верю, мы долетим до людей... Ободритесь, капитан...

И я спешу к аппарату. Ионги не отходит от меня. Крыса бежит за ней, как котенок, а курица сидит у нее на плече.

От голода и усталости глаза девушки, как черные факелы...

Ионги, Ионги, полунемая девушка из льдов...

Последняя гайка ввинчена...

По крылу аэроплана сползаю к рулю. Дрожат тросы.

Вдруг свистнуло что-то у головы. Широкий нож вонзился в обшивку кабинки. Я узнаю это широкое, старинное лезвие... Ван-Киркен.

Он здесь, на корабле, он следит, охотится за нами... Все равно. Машина собрана.

На медных моторах скользящий блеск: они смеются мне багряной улыбкой. Сердце колотится, как горячий кулак. Я нагибаюсь к пропеллерам... Пальба, свист оглушает меня. Ветер вздул волосы:

— Ионги, берегись, Ионги.

Радостный гром канонады, салют освобождения: машина в порядке.

Пот, слезы, грязь текут у меня по лицу. Я глотаю слезы и хохочу, хохочу...

Вихрем проносятся скользящие, коричневые лопасти пропеллера — завертелось колесо надежды.

— Ионги! — меха, карты, воды, хлеба.. Н-е-е-си...

Вдалеке, вдоль стены кают пробежал Ван-Киркен. Волчье, темное тело, со впалым животом, обмотанным тряпками. В зрачках желчь, смешанная с кровью...

Железная балка просвистела мимо меня, со звоном разбила стекло в кабинке.

Я прыгнул с машины. Запустил в матроса стамеской... Он скрылся.

В два прыжка я был у лаборатории Андрэ. Он вышел мне навстречу. Мы столкнулись.

Капитан обмотан медными проволоками, его руки, его голова трясутся.

— Капитан, машина готова.

— Я нашел провод.

Он не слышит, он быстро проковылял мимо.

— Ионги! — зову я. — Хлеба, воды, карты.

Она несет. Она вынырнула из пожелтевшего поля, которое я так и не скошил. Жатвы мы не дождемся. Мы увидим другие поля, мы увидим мокрых грачей, телеграфные столбы... Ласточки... Радость... Земля...

Я смеюсь, я плачу. Ионги помогает мне сваливать в кабину провиант. Она тоже смеется и плачет... Ионги, Ионги полунемая...

Но где капитан?

— Капитан! капитан! — я соскакиваю, бегу в лабораторию. Толкаю железную дверь...

— Капитан, откуда свет?

Андрэ повернул ко мне голову. Его сухое лицо ярко озарено.

— Иллюминация снова в порядке, — говорит он.

Его волосы белой бурей подняты над головой.

— Но машина исправлена, капитан. Пора в дорогу...

Андрэ встает, опираясь на стол. Он неузнаваем: его дряхлость исчезла. Что-то гордое и что-то стремительное в повороте головы. Что то непобедимое в стиснутых губах, в том, как твердо прижаты к столу смуглые, крепкие ладони... Он усмехается:

— Я остаюсь.

— Вы шутите не вовремя, капитан.

— Нет, я остаюсь...

Эта покойная улыбка, эта гордая белая голова, это старческое лицо, озаренное сильным пыланием ламп, на миг бесят меня.

— Тогда я возьму вас силой...

Сжав кулаки, я иду на него.

— Остановитесь, выслушайте... — капитан отстраняет меня рукой.

— Хорошо, я буду слушать... Но бензин выгорает... Скорее.

— Ван-Киркен уничтожил все... Мне удалось восстано-
вить... И я двинулся дальше. Я очень близок к концу.

— К какому концу? Я моряк и в ваших ученых исследо-
ваниях ничего не понимаю... Торопитесь... Бензин выгорает...

— Я буду говорить просто... Тут на корабле два холма, мо-
гила Стринберга и Френкеля... В них колышутся и дышат
мои товарищи... Их тела растеклись по растительным клет-
кам, по неисчислимым волокнам... Они превращены в травы,
но я огородил их, я знаю, где они... А зеленое ущелье, гро-
мадные шиповники, папоротники, водоросли, влажные тря-
сины... А смутный рассказ Ионги... А Ван-Киркен, оброс-
ший мхами, как жаба.. А травы, которые без усталости идут на
приступ... Поймите, весь этот Зеленый Остров кишит тысяча-
ми душ... Когда-то здесь была человеческая жизнь. Но расте-
ния победили... Может быть, тот ледяной город у Золотого
Пика последний след человека. Травы стерли тут человече-
скую жизнь, она растеклась по миллионам нитей-волокон.
напоила корни, согнулась в узлы зеленых ветвей... Но кру-
гом нас — люди, живые люди, превращенные в травы — и в
ущелье, на кораблях, в трясинах — души героев, вождей,
воинов, жрецов — слышите, они колышутся, шумят...

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что смерти нет, что Стринберг и Френ-
кель живы... Годы бродил я тут один с этой мыслью... Я
многое нашел. Вы видели, что я разгадал сон льда, победил
замерзание. Но это открытие меня не утешало... Я искал и
я скоро найду обратный путь от травы к человеку, от смер-
ти к жизни. Тогда в тех двух могилах я снова найду това-
рищей... Как замерзшие проснулись в моих конденсаторах,
так и они сольются и встанут в моих цинковых формах... Я
уже знаю систему температур и пульсаций, вызывающих
живое дыхание... Будет день, когда из темной лаборатории
выйдут на солнце мои товарищи, засмеются, протирая гла-
за, и скажут: — Андрэ, как долго мы спали без снов. Поче-
му ты не будил нас...

— Безумие! — крикнул я, закрывая ладонями лицо, точ-
но защищаясь от призраков.

— Нет!

Лицо капитана в пылении ламп, запавшее, иссеченное морщинами, с пустынным огнем остановившихся глаз — ужасно и величественно дрогнуло, точно от удара молнии.

— Нет, не безумие. Будет так. Будет.

И тогда донесся подавленный вопль. Я задрожал: это голос Ионгайи.

Мы оба бросились из каюты...

У лестницы в трюм мы наткнулись на комья серых куриных перьев в крови. След, след...

По лестницам, где медные поручни сверчены в жгуты, я сбежал в глубину темных колодцев-трюмов. Андрэ отстал...

Пробоина в борту... Края заросли косматым крапивником, точно из воздушного грота видна зеленоватая мутная даль острова.

В косых столбах света из пробоины, как миллионы ржавых игл, кружатся семена трав...

Тут на железном полу, дорожкой красных монеток, замелькали капли крови.

След, след...

И у трюма я наткнулся на Математика.

Крыса лежала на спине, с подогнутыми в сухие горсточки лапками. Шерсть сбилась на животе от сгустков крови. Голова размозжена.

Ярость затрясла меня.

Сжимая парабеллум, я крался в трюмы.

Из-под босой ступни осыпался песок, шуршали вороха свисающих водорослей...

Тьма трюмов, пасти железных пещер... Стены сочат влажную плесень... На железный пол, мне на голову, каплет противная, теплая слизь, травяная жижа.

Я крадусь между бочек, ящиков, обросших мхом, давно превращенных в мягкие скаты, курганы...

Внезапно во тьме подо мной мигнул красноватый туман огня...

По отвесным ступенькам я неслышно соскользнул вниз. Повис...

Подо мной у костра стоит Ван-Киркен. Его морщинистое темное лицо с запавшими глазницами, почерневшее

от копоти и дыма, — наклонено над Ионги... Она связана, рот забит куском черного сукна.

Обглоданное крыло тлеет на угольях.

Я прыгнул, рукояткой ударил голландца по голове.

— Вор, убийца!

Он поднялся — мы сцепились, мы покатались, грохоча, по железному полу, он отбросил меня. Поднялся оскаленный, черный от копоти...

— Не подходи! — я навел парабеллум. — Или, клянусь Богом, я уложу тебя...

— Пистоль... У гипербореев пистоль, — пробормотал голландец. Его зубы залязгали.

— Ван-Киркен, за что ты убил мою птицу, — отвечай!

— Господин, пощади... Мне хотелось есть...

— А крысу?

— Проклятая бросилась на меня, когда я подхватил курицу. Я только отбивался от укусов.

— И ты украл девушку... Ты негодяй и зверь, Ван-Киркен.

Он пополз ко мне с хриплым визгом:

— Пощади, пощади...

— Ступай прочь, — я оттолкнул его ногой.

Ван-Киркен вдруг подпрыгнул, блеснули желтые белки.

Что-то ударило меня по груди... У него железный болт...

Он поднял Ионги на руки... Он бежит вверх...

Как я гнался за ним по винтовым лестницам, коридорам...

У пролома я наткнулся на Андрэ.

Он приподнялся, потирая плечо.

— Этот сумасшедший сбил меня с ног...

На палубе в два прыжка я нагнал матроса. Он обернулся, обдав гнилым, горячим дыханьем. Он притиснул Ионги одной рукой к груди, он отбивается — гудит железный болт... Он идет на меня, защищаясь телом Ионги... Куда стрелять, куда?

И вдруг серое облако накрыло и сбило Ван-Киркена с ног. Чудовищная, когтистая лапа опустила рядом со мной Ионги...

Безмолвный стоит над нами. Согнуты в локтях руки, приросшие к крыльям сотнями жил, подобных вздутым канатам.

Безмолвный держит Ван-Киркена в когтистых лапах. Он близко поднес его к красным зрачкам. Высоко извивается матрос, как черный червь.

Гигантские руки Безмолвного, эти жгуты мускулов, похожих на витые столбы, медленными толчками разгибаются, по воздуху просвистало скорченное, темное тело Ван-Киркена.

Безмолвный швырнул его в туманную пропасть, в зеленые трясины — туда, откуда он пришел к нам...

— Скорей, на машину! Капитан, скорее!

Я несу Ионги, я оглядываюсь. Капитан, все еще потирая плечо, стоит у дверей лаборатории.

— Умоляю, капитан, летим...

— Нет... Я останусь. Я буду работать и ждать товарищей...
Передайте мой привет земле.

Он отвернулся, он быстро уходит... Его шаги тверды, треплется халат, ветер метет белые волосы, но старчески не сгибаются ноги в стоптанных туфлях...

Загремел мотор... Ионги очнулась. Я бережно опустил ее на кожаное кресло в кабине.

И сквозь гул и перебои мотора донеслось до меня торжественное дыхание органа, расплавленные потоки металла. Так прощался с нами Андрэ.

Я сел неподвижно, не мог нажать рычаг руля, слезы текли по лицу...

И тогда руки Ионги охватили мне голову, тонкие пальцы бились в ужасе, я оглянулся...

В окно кабины смотрел огромный, красный глаз, — ширился, сжимался... Безмолвный, Мыслитель... Не на меня, на Ионги он смотрит... Я нажал рычаг, машина качнулась, побежала по палубе...

Замелькали зеленые пятна, белые мостки, стекла кают, — все косо понеслось вниз...

И тогда раскат грома, взрыв рева, затряс машину.

Мы — в воздухе.

Палуба скользит, блещет под нами. Там сероватой горой, опираясь на согнутое крыло, лежит Мыслитель...

Громадное лицо поднято, рот движется черной ямой.

Другой громовой раскат настиг нас.

Безмолвный заговорил...

Призыв, отчаянье, мольба, гнев — разве я знаю, что гремит в его страшном реве, но не меня зовет он, а Ионги, девушку, на которую он смотрел, может быть, тысячелетия сквозь лед Саркофага у Золотого Пика.

Я знаю, я знаю, он гонится за Ионги...

Выше. Холодный воздух рвет грудь.

Гром Безмолвного глухо роет облака, — это мертвое, клубящее море, над которым несется дрожащей тенью моя машина.

Внизу, в клубах седого дыма, горит багровая игла Золотого Пика...

Гудит мой пропеллер, — выше, выше... выше!

Там, в золотистых туманах под нами, мечутся косые, острые паруса-крылья Безмолвных. Небо кипит. Погоня...

Гигантская стая летит тесным роем — углом — вожак впереди.

Я знаю — это Мыслитель, он гонится за Ионги...

Пальцы мои коченеют. Машину рвануло, накрыло. Лопнул ремень. Когтистая лапа в голубых канатах жил — накрыла руль.

Из воздушной бездны на меня смотрит Мыслитель. Плещут красные глаза. Его лапа повертывает машину... Дуло моего парабеллума скользит по красному глазу, как по выпуклому корабельному стеклу, я вдавил дуло и пустил заряд за зарядом...

Лапа в корчах сорвалась.

* * *

За Игл-Сити, за рекой Иокон я бросил нашу замерзшую, расшатанную бурями машину.

Мы с Ионги шли в снегах. Она скоро выбилась из сил. Я ее нес. Нас подобрали в Игл-Сити...

Да, я принес на Землю немую девушку... Ни движения, ни звука, ни тени человеческого слова: одно дыханье и мерцающая глубина глаз. Золотистое смуглое лицо Ионгайи, на котором живут только глаза, осененные тишиной ресниц — Лик Вечной, Печальной, — мое вдохновение, моя жизнь...

А когда я очнулся в госпитале, в Фриско, доктор, — у него лоснящийся, чисто выбритый подбородок и багровая шея, — сказал мне, что та девушка, о которой я говорю, — умерла, что я принес ее мертвой, замерзшей...

А потом он сказал, что никакой девушки не было, что в бреду тифозной горячки я принимал за нее сестру милосердия...

— Вам пора подыматься, парень, — говорил мне доктор. — На казенную койку охотников много...

Я замолчал и отвернулся к стене. Я понял, что потерял моего зверя, мою птицу, мою немую невесту, что теперь я один на земле.

Когда в конторе госпиталя мне выдали сверток помятой, прожженной дезинфекцией одежды, — я узнал мою матросскую синюю фуфайку, мокасины, меховые сапоги, те самые, в которых я вылетел с Зеленого Острова.

Я порылся в кармане меховой куртки, там должны быть листки, которые мы подобрали в брошенной машине. «Не все потеряно», — подумал я. Поправляясь, я читал газеты и не сомневался, что аэроплан, сброшенный на Зеленый Остров Безмолвными, был одним из тех, которые оставил во льдах Амундсен...

Но листков не было.

— Скажите, а где листки? — спросил я конторского служителя, рябого парня с золотой пломбой во рту.

— Не знаю, о чем вы говорите... Поторопитесь, пожалуйста...

— Да, я готов... Но не скажете ли вы, как я попал в Сан-Франциско?

— Вас привезли с севера... Нашли в снегу, на берегу океана... Вероятно, вас еще живым выбросило море... Вы, вероят-

но, с китолова... Желаю вам счастья.

Я поблагодарил и ушел. Я знал, куда мне ехать: — к Амундсену.

У моряков есть добрый обычай: безработного товарища всегда пустят на корабль и провезут в трюме и накормят тайком, если ему надо убраться из одного порта в другой...

Дрожащий от слабости, с лихорадочными глазами, бледный, с головой, обритой после тифа, я сошел на берег в Осло, в старой Христиании.

В корабельной конторе я узнал, что винтовая шхуна «Святой Маврикий», капитана Петерсена, пропала без вести со всей командой год назад...

Закатные сиреневые облака, по краям — ясное золото, — стояли громадами над сонной вечерней водой, когда я подходил к дому Амундсена.

Дом его у фиорда.

Роальд Амундсен, великий исследователь, в домашней шведской куртке, в туфлях, работал в саду. Вы знаете, что он сам ухаживает за цветами.

Я остановился у калитки... Слегка зашуршал гравий. Амундсен подошел ко мне. Вблизи, его морщинистое, обритое, с глубокими полосами у носа лицо — похоже на простое лицо деревенского учителя или капитана парусника...

— Вы матрос? Вы больны? — отрывисто спросил он и поискал мизинцем в жилетном кармане, чтобы подать мне монету.

— Капитан, я оттуда, с полюса... Я нашел ваш брошенный аэроплан.

Его высокий, загорелый лоб слегка побледнел. Он посмотрел мне твердо и пристально в глаза.

Мы молча вошли в дом.

Он слушал мой рассказ, не разжимая с лица крепких рук.

Когда я заговорил о Ионгайе, я заплакал... Простите, я плачу и теперь.

С жалостью и печалью посмотрел на меня Амундсен.

— Хельхейм... Я слышал от шведских моряков эту древнюю легенду викингов о Хельхейме...

Там, за северным полюсом, лежит страна забвения и смерти, Зеленый Остров безмолвия, куда выносит со всех океанов затонувшие корабли, где витают души всех погибших в морях... Хельхейм, страна сновидений, тишина...

— Да, я был там... Я принес вам привет от воздухоплателя капитана Андрэ. Он жив.

— Тише, тише, — Амундсен сжал мне руку, — молчите, товарищ... Мне очень жаль вас... Вы видели то, чему никто не поверит... Нам нельзя говорить о том, что мы видим сквозь мглу льдов и снега за полярным кругом... Нам не поверят... Пусть лучше думают люди, что мы ищем там только эту белую, мертвую точку на карте, этот северный полюс...

Он встал и, пожимая мне руку, повторил:

— Мне очень жаль вас... Прощайте, бедный товарищ... Я готовлю новую экспедицию. Вы полетите со мной механиком... Я тоже буду в Хельхейме...

Тогда я поклонился ему и вышел из дома.

Вы видите, я снова играю на окарине в матросском ресторане... Свищу разные песни вот на этом черном зверьке, в эти дырочки, обведенные серебром... Я совершенно один. Амундсен обещал взять меня механиком в экспедицию. Ну что ж? — я готов... Только никогда, никогда я больше не встречу Ионгайи, немой...

Может быть, в 1926 году мы долетим до Зеленого Острова и вернемся с картами, фотографиями Хельхейма*. И может быть, на стальном канате примчим сюда по воздуху одного из пленных: Безмолвного.

И когда его прохладное, крылатое чучело поставят за стеклянные витрины музея, — только тогда все люди поверят, что есть Страна Сновидений, Зеленый Остров...

Но я боюсь, что капитан Андрэ не захочет вернуться оттуда к нам на землю.

1926 год.

* Земля Санникова, о которой пели еще викинги: светлый теплый остров, посещаемый птицами, названный в те времена Hellheim (светлая страна).

ИВАН ЛУКАШ

Биографический очерк

Иван Созонтович Лукаш (1892-1940) родился в семье швейцара Академии художеств (по семейному преданию, отец писателя позировал И. Репину, изобразившему его в виде казака с забинтованной головой на картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»). Мать И. С. Лукаша заведовала столовой академии.

Лукаш учился в Ларинской гимназии и частной гимназии Л. Лентовской; по окончании курса поступил в 1912 г. на юридический факультет Петербургского университета, который закончил в 1916 г. с выпускным свидетельством.

В юности Лукаш испытывал революционные симпатии, тяготел к политической платформе эсеров. Затем сблизился с эгофутуристами; знакомство с И. Северяниным вылилось в издание кн. *Цветы ядовитые* (1910). В 1912 г. участвовал в изданиях группы И. Игнатьева (альм. *Оранжевая урна* и *Стеклянные цепи*, газ. *Петербургский глашатай* и *Дачница*). Публиковался также в журнале Н. Шебуева *Весна*.

Перед Первой мировой войной начал сотрудничать как репортер в газете *Современное слово*. В 1915 г. поступил добровольцем в Преображенский полк, провел полгода на фронте в тыловых учреждениях. Во время Февральской революции занимал кадетские позиции, писал пропагандистские брошюры. В середине 1918 г., спасаясь от красного террора, уехал из Петрограда в Киев,

поступил в Белую армию. До эвакуации из Крыма сотрудничал с белой прессой в Симферополе.

В эмиграции Лукаш жил в Софии, где опубликовал книгу *Голое поле: Книга о Галлиполи* (1922), позднее Берлине и Риге, где был одним из редакторов газеты *Слово*.

В Берлине вышли мистерия *Дьявол* (1922) и «поэма» в прозе *Дни усопших* (1922), автобиографический роман *Бел-цвет* (1923), сборник рассказов *Черт на гаупвахте* (1922), повесть *Граф Калиостро* (1920). В Берлине сотрудничал с В. Набоковым, совместно с которым писал сценарии и либретто пантомим. Одновременно широко публиковался в эмигрантской прессе разных стран; произведения Лукаша 1920-х гг. зачастую насыщены фантастическими и мистическими мотивами. Политически занимал правые позиции, считался откровенно «белогвардейским» писателем. Вместе с тем, талант его и при жизни, и после смерти признавали многие эмигрантские литераторы от Р. Гуля и А. Толстого до В. Набокова.

Переселившись в Париж, Лукаш обратился к исторической беллетристике (сборник рассказов *Дворцовые гренадеры*, 1928, роман *Пожар Москвы*, 1930), сотрудничал в газете *Возрождение*. Исторические рассказы, замешанные на «петербургском мифе» и зачастую мистицизме, были собраны также в сб. *Сны Петра* (1931). В 1936 г. был опубликован роман *Вьюга*, написанный для объявленного в 1933 г. конкурса по изображению разрушительного влияния «психологии большевизма». Последние романы Лукаша *Ветер Карпат* (1938) и *Бедная любовь Мусоргского* (1940) были написаны в условиях нужды и прогрессирующего туберкулеза. Писатель скончался в Париже 15 мая 1940 г.

Повесть И. Лукаша «Зеленый остров» была впервые напечатана в №№ 15-18 журнала «Перезвоны» (Рига) в 1926 г. Переиздана в журнале «Возрождение» (Париж), №№ 188-189, сентябрь-октябрь 1967 г. Публикуется по последнему изданию. В тексте исправлены очевидные опечатки; орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.